

Кашенцев Александр

Волки и шакалы

16+

Кашенцев Кашенцев

Волки и шакалы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кашенцев К. А.

Волки и шакалы / К. А. Кашенцев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Два друга, чеченец Иса Азагоев, и русский Кравцов Павел, отцы которых пропали без вести в 1942 году, мечтали бить ненавистных фашистов, но судьба распорядилась иначе...

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1. Изгой	7
Глава 2. Ночная охота	21
Глава 3	25
Глава 4. Красное колесо	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

*Посвящается солдатам Великой Отечественной войны,
депортированным народам.*

Пролог

Утро апреля 1957 года. К кирпичному зданию сельского совета, прихрамывая, подошел крепкий высокий мужчина лет тридцати. На широких плечах серый пиджак, под ним белая рубашка, заправленная в черные брюки, подпоясанные кожаным ремнем, на ногах кирзовые ботинки, на груди блестят начищенные медали «За отвагу», «За взятие Вены», «За победу над фашистской Германией». Крупный, чуть с горбинкой нос на круглом, гладко выбритом лице, голубые, глубоко посаженные глаза смотрят с доброй смешинкой, тонкий, плотно сжатый рот, черные с проседью волосы зачесаны назад. Мужчина достал из бокового кармана пиджака связку ключей и, выбрав один из них, вставил в замочную скважину навесного замка, провернув два раза, отогнул дужку и снял с петель, поднявшись по невысоким скрипучим ступеням, открыл высокую деревянную дверь под небольшим навесом. Это был Кравцов Павел Александрович, председатель сельского совета села Бирюзьяк, расположенного на реке Кардонке, одном из рукавов дельты реки Терек, впадающей в Каспийское море. В селе располагался колхоз «Путь к Коммунизму», правление которого находилось в этом же здании. Колхозники ловили рыбу, сдавали её в Крайновский рыбзавод, выращивали виноград. Село входило в состав Крайновского района Дагестанской АССР.

Кравцов, переступив невысокий порожек, вошел в здание. Небольшой коридор, деревянный пол которого выкрашен коричневой краской, три двери с красными прибитыми мелкими гвоздями табличками, на которых при помощи трафарета желтой краской написано: налево – «Парторг», направо – «Председатель», прямо – «Сельсовет». Он открыл дверь своего кабинета и вошел в него. Здесь сразу напротив находился массивный двухтумбовый стол, накрытый красной скатертью, на столе стояла чернильница-непроливайка, на ней деревянная ручка со стальным пером, стопка газет и бумаги, сзади большое окно наполовину завешено выбитой цветами занавеской на натянутой проволоке, с открытой форточкой, у стола стоял деревянный, с высокой спинкой и обитым дерматином сиденьем стул. Лучи весеннего солнца освещали кабинет. Возле окна на стене портрет В. И. Ленина, справа полки с книгами, трудами классиков марксизма-ленинизма, слева вешалка из деревянной планки со вбитыми в нее гвоздями, деревянные скамейки вдоль стены. Легкий ветерок приносил запахи сохнувшей земли, цветущих деревьев, навоза, воробьи с шумным чириканьем затеяли драку на ближайшем дереве.

Павел занял свое место за столом, пододвинул к себе газеты, стал просматривать их в ожидании посетителей. Рабочий день председателя сельского совета начинался с восьми часов и заканчивался в десять, если были посетители – и дольше, но в таком небольшом селе в пятьдесят домов все друг о друге знали, и Кравцов каждый день приходил на работу, так как был ответственным человеком. Хотя редко кто из селян отрывался от повседневных забот, чтобы посетить сельский совет, только регистрация новорожденного или свадьба, а так все в основном приходили к нему домой. Еще должность председателя сельского совета, как и учителя и фельдшера, была оплачиваемой. Председатель же и парторг пропадали в это время на колхозном дворе. В остальное рабочее время он работал на колхозном винограднике.

В одной из вчерашних газет – «Грозненский рабочий», – он прочитал заметку о ликвидации банды Исы Азагоева, нападавшей не только на отдельных милиционеров, но и на отделения в районных центрах, убивавшей партийных руководителей и председателей колхозов. Павел вспомнил веселого, способного на выдумки друга детства – чеченца, ушедшего в горы в 1944 году.

Часть 1

Глава 1. Изгой

Село Бирюзьяк Чеченской автономной области, весна 1924 года. По проселочной дороге вдоль дворов ехала телега, запряженная мощным, сильным, серым в яблоках жеребцом. Управлял им молодой человек, сидевший впереди на доске, застеленной волчьей шкурой. Сзади на сложенной горой мебели и домашней утвари сидела молодая женщина, с любопытством осматривающаяся по сторонам.

Дорога только просохла от весенней распутицы, и пыль не донимала путников, солнце клонилось к закату, но еще припекало. Из-за плетеных заборов с любопытством вслед телеге смотрели женщины – редко кто приезжал в это богом забытое село. За телегой бежала большая с черными пятнами собака – местные шавки зашлись лаем.

Мужчина одет еще по-зимнему – на голове заячья шапка-ушанка, на плечах расстегнутый тулуп, под ним грубой вязки коричневый свитер, на ногах шерстяные брюки, заправленные в сапоги, какие обычно выдавали офицерам царской армии. Под правой рукой вороненый ствол одноствольного ружья. Из-под шапки выбивается черный чуб, прикрывающий широкий лоб, серые под тонкими бровями глаза смотрят настороженно, под широким с горбинкой носом черные усы, прикрывающие небольшой рот, круглый овал лица с гладко выбритым подбородком.

На сидевшей спиной к лошади его спутнице одет полушубок, застегнутый на деревянные пуговицы, на голове цветастый платок, из-под длинной шерстяной юбки выглядывают черные полусапожки. Лицо довольно миловидное: длинные густые брови, голубые крупные глаза, небольшой вздернутый носик, пухлые губы, круглый подбородок.

– Потерпи ещё немного, Даша, уже почти приехали, – утешил её мужчина, оглядывая село: хаты из камыша, обмазанные глиной и побеленные известью, поблескивали небольшими, круглыми без рам стеклами, огорожены плетеным забором из местного кустарника – гребенчука, такие же ворота на кожаных петлях. Между дворами – загаты – уложенные друг на друга в рост мелкие ветки акации и лоховника с большими колючками. В каждом дворе хозяйственные постройки для скота, сады, виноградники. Сзади дворов – обрывистая речка Кардонка.

– Эй, малец, – окликнул приезжий одного из пробегающих мимо любопытных мальчишек. Лет восьми пацаненок резко остановился, шмыгнув носом, вытер его засаленным рукавом длинной рубахи. На босых, покрытых грязью ногах короткие штаны, плутоватые серые глаза смотрят настороженно, соломенные волосы подстрижены «под горшок», на курносом носу веснушки. Сорванец окинул взглядом лошадь, телегу, женщину на ней, собаку и ответил, изображая солидного занятого взрослого:

– Чего надо?

– Я вижу, что ты слишком груб, тебя, наверное, давно не драл отец. Ты чей будешь?

Мальчишка, сразу присмирив, стушевался и, ковыряя сырую землю босой ногой, тихо произнес:

– Широкий я, Ванятка, Трофима Широкого сын.

– А Широкий Мирон – твой дед? – заинтересованно спросил приезжий.

– Нет, прадед, ох и злющий, так и норовит палкой огреть, только ты ничего не говори ему – враз выпорет.

– Так и быть, не скажу. А где он живет?

– Вон же, через две хаты, вон дед на завалинке сидит, вылез на солнце погреться, – и малец показал грязной, с чернотой под ногтями рукой на группу стариков, уже давно присматривающихся к путникам.

Мальчонка, взбрыкивая ногами, изображая лошадь, побежал к друзьям. Мужчина тронул вожжи, и конь потянул телегу дальше, остановился у хаты, где на завалинке под окном сидели четверо стариков. Большой белобрысый тополь только распустил над ними свои клейкие листочки, и солнце всю поливало землю сквозь голые ветви. Соскочив на землю, он снял шапку, поклонился по старому обычаю в пояс. Среди четверых выделялся самый старей, он опирался на кривую, отполированную от постоянного использования палку. Одет старик был в длиннополую расстегнутую шубу, на голове бараний треух, под шубой – свитер, на ногах шерстяные штаны, обрезанные старые валенки, поверх них блестящие резиной калоши, длинная седая борода ухожена, серые глаза на морщинистом лице смотрят внимательно. Остальные были помоложе, но одеты по-разному: кто в старый тулуп, а на одном даже солдатская телогрейка, все в обрезанных валенках, шапках-ушанках, но все седые, с бородами.

– Здравствуйте, старики, кто из вас Широкий Мирон? – приветствовал приезжий.

Старики приветствовали его в ответ, а самый старший ответил неожиданно сильным голосом:

– Я Мирон, а ты кто таков?

– Я Кравцов Александр Павлович, а это моя жена Даша Белова, – обернулся Кравцов, показывая на сидевшую вполоборота на телеге женщину, – а приехали мы из Лагани, что на побережье Каспийского моря.

– А, Дашутка! Внучка! – обрадовался дед, поясняя окружающим. – Я видел ее в последний раз пятилетней сопливой девчонкой, а теперь вон какой красавицей выросла. А я от твоей мамы получил давеча весточку, что приедете по весне, и мы уже вас ждали.

Даша легко спрыгнула на землю, зардевшись, поздоровавшись, поклонилась в пояс. Старик крикнул в глубину двора:

– Эй, Марья, Никола, поскорей открывайте ворота, встречайте гостей.

Сам же, кряхтя, держась за поясницу, встал, Александр было кинулся помочь, но был отстранен властной рукой. К воротам хозяйственного двора подошла крупная, лет пятидесяти женщина, одетая в телогрейку без рукавов поверх шерстяного платья, на голове белый платок, на ногах калоши, скинула верёвочную петлю с кольшка, удерживающую створку сбитых из тонких жердей ворот, легко отодвинула ее внутрь двора. Тут же подбежал молодой парень, черноволосый, сероглазый, с пушком на верхней губе, широкоплечий, в серой рубахе и черных штанах, заправленных в короткие кожаные сапожки, с любопытством уставился на приезжих.

– Чего рот раззявил?! – прикрикнул на парня дед. – Помоги телегу завести во двор.

Никита подхватил коня под уздцы, повел его во двор, за ним вошли Александр с дедом Матвеем. Здесь по обе стороны выстроены различные хозяйственные сараи: для коров, для птицы, для свиней, для хранения сена и дров, а также под кладовую вина и различных припасов. Слева имелась калитка на жилой двор, прямо в сад. Между тем дед продолжал распоряжаться:

– Николай, помоги распрячь лошадь, напоите, накормите, разгружайте пока в коровник, коровы переночуют во дворе. Как управитесь, приходите на кухню. А ты, Дашутка, пойдем со мной.

Даша пошла вслед за хозяином на жилую половину. Мужчины принялись разгружать привезенные вещи. Закончив и смыв пот в стоящей здесь же кадучке с водой, они также прошли на жилой двор. Здесь по обе стороны были построены хаты: одна под спальни с одной стороны, с другой – кухни зимняя с деревянной дверью и летняя под навесом, здесь же был вход в подвал. Напротив под другим навесом – мастерская, где был плотницкий верстак и инструмент, рядом калитка в сад, где виднелась баня и ворот колодца. Между хатами беседка

из винограда, подпертая шестью, с распускающимися почками, под навесом деревянный стол, врытый ножками в землю, рядом широкие скамейки, накрытые вязаными лоскутными ковриками. На клеёночной скатерти стола уже стояли тарелки и чашки с едой: здесь было обжаренное мясо, вареная рыба, как осетровая, так и простая, жареная картошка, черная посоленная икра, самоиспеченный хлеб, вино в запотевшем глиняном кувшине, деревянные расписные ложки, кружки.

– Проходите, садитесь, гости дорогие, – пригласил хозяин, перекрестившись, занимая место на табуретке во главе стола.

Из зимней кухни вышли Даша и Марья, присоединились к мужчинам. Когда все расселись, дед Матвей разлил в глиняные кружки красное вино.

– Давайте выпьем за встречу, за знакомство, это дочка моя, муж в войну погиб, а это внук-шалопай, – отвесив подзатыльник сидящему рядом Николаю, выпил, на правах хозяина первым закусил отварной рыбой.

После того как гости утолили первый голод, Марья встала, пошла под навес летней кухни, где на печке стояли горшки, взяла один из них, надев предварительно специальные варежки, чтобы не обжечь руки, принесла его на стол, разлила гостям наваристой, золотистой, с красной рыбой ухи, поставила горшок на место. Хозяин вновь налил вино.

– За счастливую жизнь в нашем селе.

Еще выпили, причем женщины только пригубили, закусили икрой. Когда наелись, Марья помыла кружки, налила в них чай с молоком.

– Так что же вас заставило уехать из Лагани? – спросил дед.

– Сам я из-под Царицына, мои родители жили на Волге, ловили рыбу. В четырнадцатом меня призвали в армию, воевал в Белоруссии, имею два Георгиевских креста, ранен, – рассказывая, Александр показал левую руку без двух пальцев – мизинца и безымянного. – В семнадцатом присвоили звание подпоручика, потом поручика. После революции приехал домой, но сначала белые, потом красные звали на войну: я отказался – хотелось мирной жизни. Но красные это так не оставили, если офицер и не за них, значит, контра. Пришлось уехать в Лагань, родственники помогли устроиться – бригадой ловили рыбу, построил хату, вот, встретил Дашу, женился, но и в Лагани комиссары достали, видимо, кому-то перешел дорогу, и вот мы здесь, – после этих слов Александр обнял зардевшуюся жену.

– Вы пейте чай, а то остынет, – напомнила Марья, – кладите в него масло.

Чай и так был жирный, в условиях дороговизны сахара – соленый, с запахом ванили.

– Вы думаете, красные и здесь вас не достанут? – спросил старик.

– Новая власть не оставит без присмотра ни одного своего гражданина, так что это дело времени, – ответил Кравцов. – Но, думаю, здесь село глухое, на отставного офицера, не участвовавшего в Гражданской, я думаю, внимания не обратят.

– Дай-то бог, – вздохнул дед Матвей, крестясь. – У нас тут все беглые – кто от царя, кто от коммунистов, а кто и от казаков, мы всех принимаем – рыбы, дичи хватит на всех, а если кто подличает, безобразничает, разговор один – озеро, на корм ракам.

– Жестоко, – высказал своё мнение Александр.

– Зато у нас нет замков на дверях, никто без хозяина не войдет во двор. А как там в Лагани мать, отец? – переменял тему старик, обращаясь к Даше.

– Все здоровы, тятя рыбу ловит, мама за братиками, сестренками смотрит, – ответила молодая женщина.

– К вам, говорят, приходили комиссары, отобрали рыбу? – спросил Никита.

– Были, сказали, что расстреляют тех, кто не отдаст, рыбы не жалко, тятя еще наловил, а вот батюшку увели в Сибирь, церковь порушили.

– Плохо, у нас молельный дом в Крайновке, там венчает батюшка, крестит младенцев, вера – дело святое, пока не трогают, знают, что недолго и в море утонуть или в озерах пропасть, и никто не найдет.

Дед налил еще вина себе и Александру, выпил, промочил пересохшее горло.

– Пей, Сашка, вино, трехлетней выдержки, специально для этого случая держу, – порекомендовал хозяин. – Мы, как получили от вас весточку, очистили участок, зимой накопили камыша, приготовили бревна из акации для строительства хаты, так что через месяц постройтесь и будете жить в своем дворе, а пока у меня, вон, в кухне зимней поживете, только вот печник у нас только в Крайновке вечно, пьяный, вечно занят, – обрадовал дед Матвей.

Даша встала, поклонилась в пояс.

– Спасибо, дедушка, мы с вами не рассчитаемся. А печку Саша сложит.

– Не надо, – отмахнулся хозяин. – Мы помогаем приезжим всем селом строиться, женщины месят глину, обмазывают, мужики ставят каркас, вяжут снопы. Ты ведь охотник, вот и будешь стрелять дичь, менять на рыбу, да и перо купцы с удовольствием берут. Только у нас лодки нет – рыбу ловим с берега.

– Доски для лодки я привез, так что собрать и просмолить недолго, – сказал Александр.

– Это хорошо, скоро утка пойдет – самая охота.

– Сейчас Никита протопит баню, напаритесь с дороги.

Селяне не только помогли отстроиться, но и дали в хозяйство поросят, кур, а дед Широкий дал молодую телку. Александр посадил сад, виноградник, поставил амбары для скота. Вскоре родился первенец, которого назвали Павел – по деду.

* * *

На следующий год. Ранняя весна. Предгорья Кавказа. Весеннее солнце нагрело ледяные вершины гор, и многочисленные ручьи устремились в Терек, который с грохотом понес свои воды через равнину в Каспийское море. Обмелевшая река, которую летом местами лошади переходили вброд, стала неприступной, полноводной. Мутные воды легко ворочали крупные камни, вырвали с корнем деревья.

Вдоль реки по левому берегу, скрываясь в камышах, по протоптанной зверьем тропе шел молодой человек – горец, ведя в поводу навьюченную лошадь, в седле которой, держась тонкой рукой за луку, сидела закутанная в черные одежды молодая женщина, следом бежало два десятка овец, подгоняемых двумя крупными лохматыми собаками-волкодавами с обрешанными ушами и кожаными ошейниками со стальными шипами. Они внимательно следили за стадом, подгоняя отставших покусыванием за задние ноги, время от времени одна из них, почуяв добычу, убегала на охоту.

Одет был молодой человек по-зимнему: большая лохматая шапка-папах, длинная бурка из плотной шерсти, черная, с газырями рубаха, такие же брюки, заправленные в сапоги с толстой подошвой, но без каблука, подпоясан широким ремнем с серебряными бляшками. На ремне в украшенных серебром ножнах справа кинжал с рукояткой из кожи с серебряным навершием, с левой стороны кобура с выглядывающей рукоятью пистолета. Чуть удлиненное лицо, обрамленное густой черной бородой, губы плотно сжаты, нос горбинкой, настороженные черные глаза с тревогой смотрят на противоположный берег.

Уздечка лошади также украшена серебряными бляхами. Справа, прикрепленный к седлу, в самодельной кожаной кобуре обрез винтовки с поцарапанным ложем, вдоль левого бока лошади привязано кремневое ружье с толстым стволом, через круп переброшены две переметные сумы, сшитые из старых потертых ковров. Свободные одежды надежно скрывают фигурку женщины, но черные глаза с густыми ресницами и дугами бровей, сросшихся на переносице, смотрят с любовью в спину спутника. Из-под платья в стремях черевички, украшенные бисе-

ром. По всему было видно, что она сильно устала – глаза изредка закрывались и тело подавалось вперед, потом встряхивалась и вновь выпрямляла спину.

Ахмед Азагоев – так звали горца – был чеченцем. Молодой человек вторые сутки уходил от погони. В одном из соседних аулов встретил он девушку и полюбил ее, но она уже была обещана её отцом другому. Отец Ахмеда был небедным человеком, но, несмотря на все переговоры, получил отказ, и тогда молодой человек решился на похищение. Он понимал, что родственники девушки вправе убить его. Отец не одобрил его решения, он выделил ему немного денег, овец, самого необходимого в дорогу, посоветовал уходить к морю по левой стороне Терека, обходя казачьи станицы, потом прилюдно отказался от сына, сберегая этим род от гнева родственников невесты.

Встретившись в очередной раз с Патимат, которая была также не равнодушна к красивому молодому человеку, он уговорил ее уехать с ним. Бежали они вечером, когда все уснули, ночью перешли Терек, который уже на глазах наливался мощью. Утро встретило туманом, брызгами разбушевавшейся реки. Водная преграда создала непроходимую преграду для возможной погони. Беглецы двигались медленно, далеко обходя казачьи станицы. Хотя война и революция выкосили мужское население селений, все равно горцу можно было ожидать пулю в спину. Миновали Шелковскую, дальше пошли менее обжитые места, камыши все чаще поднимали свои кисточки, скрывая с головой всадника в седле, все чаще приходилось идти по щиколотку в воде. Попадались и мелкие речушки, тогда приходилось долго искать брод. Встречались стада диких свиней, разрывающих землю в поисках сладких молодых корешков камыша – пикулей, они неохотно уступали дорогу путникам. Тогда Ахмед доставал из кобуры обрез винтовки и был настороже: хозяин стада, обычно крупный секач, мог и напасть, защищая свой гарем. Собаки глухо рычали, закрывая своими телами человека. Но обходилось – видимо, у них еще не настал брачный период. Попадались и деревни староверов – они никого не признавали, их дворы встречали свирепым лаем собак и наглухо закрытыми воротами. В обед, когда солнце поднялось в зенит, Ахмед завел лошадь в густые заросли и, найдя полянку, снял с лошади невесту, ослабил подпругу, повесил на морду торбу с зерном, потом расстелил на траве бурку, достал из переметных сум коврики для молитвы и вместе с Патимат обратился к Аллаху, прося милости за свой поступок. Быстро пообедав сушеным мясом и сыром, через полчаса вновь двинулись в путь. К вечеру заросли камыша сгустились до того, что по тропе мог пройти только один человек, под ногами также чавкала вода. Сапоги давно уже промокли и весили по пуду каждый. Горец надеялся найти хоть какую-нибудь прогалину для отдыха. Наконец он остановил свой маленький караван, достал острый кинжал, начал вырубать вокруг камыш, складывая его в центр, вскоре образовался мощный настил. Ахмед снял Патимат с лошади, расседлал уставшее животное, снял потник и расстелил его поверх камышового настила, женщина тем временем разложила нехитрую еду на расстеленном белом полотенце.

– Я вижу, ты огорчена тем, что пришлось вот так покинуть семью. Поверь, что мне тоже горько – мы нарушили волю отцов, и в этом нет нам прощения, одно утешает – мы вместе, – грустно произнес молодой человек.

После этих слов глаза Патимат налились слезами. Горец, утешая, обнял ее за плечи, женщина доверчиво прижалась к его груди.

– Ничего, здесь глухие места, равнины, полные непуганой дичи, а реки кишат рыбой. Найдем подходящее место, построим хату, кошару, родишь мне двоих сыновей, тогда, может, родители и простят нас.

Рискуя тем, что его увидят с другого берега, Азагоев решил развести костер на вырубленной поляне – необходимо было немного обсушиться. Нарубив еще камыша, он развел небольшой огонь, снял сапоги, отжал носки, повесил рядом с костром, потом они с Патимат поужинали. Тем временем ночь вступила в свои права – небо высветилось миллиардами звезд, взошедшая полная луна отбрасывала причудливые тени.

Девушка легла на потник, укрылась буркой, в темноте влажно, призывно блестели её глаза. Горец лег рядом, и тела слились в любовных ласках. Но первая брачная ночь была прервана приходом незваных гостей – первой поднялась собака по кличке Вайнах, повела обрубками ушей, шерсть на загривке вздыбилась, из горла вырвался глухой рык, потом поднялась вторая – Каз. Услышав предупреждение, Ахмед выскочил и стал поспешно одеваться. Патимат встревоженно села, прикрываясь буркой. В ночи вначале раздался жалобный плач ребенка, потом смех, следом как будто кто-то захлопал в ладоши, причем звуки раздавались с разных сторон.

– Кто это? – со страхом спросила женщина.

– Не бойся, я с тобой, – успокоил горец, заряжая кремневое ружье. – Шакалы нас не тронут, боятся, а овцу утащить собаки не дадут.

Забывший костер слабо светился в темноте, он бросил в него охапку камыша, но потухший огонь не желал разгораться – только дымил. Среди камыша показалась пара светящихся точек – глаза, потом еще. Собаки разделились – одна встала сзади стада, другая спереди. Горец нажал на курок – хлесткий выстрел и сноп огня из ствола разорвали ночь. В той стороне послышался скулеж, потом возня, на время все стихло, потом шакалы вновь начали свой концерт. Наконец огонь взял свое – пламя взметнулось ввысь, но камыш прогорел быстро – пришлось опять его рубить. Вновь зарядив ружье, Азагоев положил жену спать, сам же решил охранять ее сон. Пришлось еще два раза стрелять, под конец он заснул, опершись о ружье, проснулся от того, что собаки сцепились с шакалами – комок шерсти катался рядом со стадом, еще одна тень метнулась к баранам. Горец вновь выстрелил, зверь заскулил, подпрыгнул и свалился замертво в воду. Между тем собака одолела своего противника, разорвала живот и стала поедать еще теплое мясо, вторым убитым из ружья животным занялась другая собака – они были приучены добывать себе еду сами.

Шакалы ушли, когда небо начало сереть. Тогда Ахмед, положив заряженное ружье, залез под бурку, и молодые люди вновь любили друг друга. Проснулись они, когда солнце уже почти встало в зенит, быстро свернули лагерь, и вновь потянулась под ногами мокрая звериная тропа. После обеда, совершив намаз, вышли к развилке – глубокая речка убегала от основного широко разлившегося русла реки Терек, поднявшийся ветерок уже приносил запахи близкого моря. М. Ю. Лермонтов писал о реке в свое время:

Терк воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию шумит.

Так как встретившаяся речка была глубокой, пришлось идти по ее берегу. Мелкие птицы порхали вокруг – ловили мошек, затевали любовные игры, в вышине парили чайки. Вот сначала с тропы исчезла вода, потом поредел камыш, и наконец путники вышли на равнину, поросшую лоховником и местным кустарником – гребенчуком. Из-под ног прыскали зайцы, кричали фазаны, пробежала лиса, но сытые собаки не обращали на живность внимания. Справа текла мутная речка, на поверхности которой то и дело всплескивалась рыба, слева то и дело встречались зеркала озер, кишашие водоплавающей птицей, но встречалась и мертвая вода с берегом, белым от соли. К одному из таких водоемов и вышли наши путники. К берегу вела двухколейная дорога, трава, продавленная колесами телег, – рядом жили люди. Осторожно

пошли по ней, и вскоре вдаль поднялись деревья, послышался лай собак, мычание коров, потянуло дымом печей. Вечерело, и Ахмед, выбрав широкую поляну, решил здесь остановиться на ночлег, а завтра выяснить, что за село впереди. Местность располагала к тому, чтобы здесь остановиться надолго.

– Хорошее место. Тебе нравится здесь? – спросил горец.

– Да, травы много, рядом речка, много дичи, но у нас красивее – горы лесистые, ручьи, – грустно ответила женщина.

– Придется жить здесь. Завтра схожу в село, узнаю, кто здесь живет, потом поохочусь, если все будет хорошо, будем строить здесь кошару, – решил Азагоев.

Стали разбивать лагерь: разгрузили и расседлали лошадь, заготовили дров для костра, развели огонь, над ним подвесили котелок, предварительно наполнив его водой из речки, кинули туда соленого мяса, крупы, и вскоре над поляной разнесся запах вкусной похлебки. Изголодавшиеся овцы принялись щипать только что вылезшую из земли темно-зеленую траву, собаки по очереди сбегали на охоту, прибежали с мордами, вымазанными яичным желтком. Поужинав и поблагодарив молитвой Аллаха, путники легли отдыхать, на этот раз шакалы кричали далеко, видимо, сказывалась близость жилья.

Их сон прервал резкий звук близкого выстрела. Солнце уже поднялось над горизонтом, и день вовсю разгорался. Азагоев быстро оделся, взял винтовку, зарядил ее и бросился на звук. Трава была покрыта росой. Вскоре вновь начались камыши, но на небольшой прогалине блеснула вода большого озера, здесь была привязан серый жеребец за уздечку к кусту гребенчука. Увидев незнакомого человека, он громко заржал. Подойдя ближе к воде, горец увидел узкую длинную лодку, на ней охотника, который до этого собирал убитую им дичь, но, услышав лошадь, быстро зарядил одноствольное ружье, настороженно всматривался в берег. Ахмед вышел на открытое пространство, направил на мужчину обрез винтовки. – Эй, выходи! – на плохом русском крикнул он.

Мужчина положил в лодку ружье, взял оттуда длинный шест и, отталкиваясь им от дна, поплыл к берегу, но, не доплыв метров пять, уткнул нос лодки в камыш, положил шест и вновь взял ружье, направив его на горца.

– Ты кто? – спросил Ахмед.

– А ты кто? – в свою очередь спросил мужчина.

– Я спиролсил первый, – опуская винтовку, возразил горец.

– Кравцов Александр, живу я здесь. А ты, я вижу, с гор, чеченец?

– Нохча, с гора, Ахмед Азагоев. Твой казак?

– Нет, я рыбак, охотник, в селе все рыбаки, правда, есть и казаки – от власти бежали, у них красные казаки всех мужчин вырубил, – рассказывал мужчина. На вид ему было лет двадцать, одет тепло – по-зимнему: старая шапка-ушанка, короткий тулуп, теплые ватные брюки, кожаные сапоги, подпоясан патронташем со вставленными желтыми патронами. Азагоев удивленно спросил:

– Казак казака стрелял?

– Что ты хотел, гражданская война, коммунисты натравили, брат на брата пошел, – ответил охотник.

– Как можно брат брата бить? – покачал головой горец.

– Коммунисты, – ответил Александр. – Ладно, подожди, мне надо убитых уток собрать, а то утонут.

Охотник вновь положил на дно ружье, взял шест и поплыл на середину озера. Здесь уже дичь опять садилась на гладь озера. Утки летали прямо над головой, цапли, раскинув огромные крылья, падали в воду, застывали, стоя на одной ноге и высматривая в воде мелкую рыбешку, в камышах слышалась активная возня – там птица устраивала гнезда, готовясь выве-

сти потомство. Селезни красовались перед утками, распрямляя блестящие зеленым крылья, солнце бриллиантами играло на мокрых тушках.

Кравцов быстро собрал убоину, плавающую на поверхности воды, разогнал лодку и с силой загнал ее на берег, выпрыгнув на землю, достал из лодки мешок, быстро стал кидать туда дичь. С одного выстрела он убил около пятнадцати уток.

– Дай утка, – попросил горец.

– А почто сам не настреляешь? – спросил Александр. – Хотя из винтовки особо не настреляешь.

– Моя есть ружье – лодка нет.

– Лодку возьмёшь, когда я охотиться не буду, завтра воскресенье, мы все отдыхаем, можешь охотиться, – разрешил охотник, протягивая горцу двух уток.

– Хорошо, – согласился он, взяв подарок за ноги. – Как зовут село, кто хозяин? Моя здесь хочет жизнь.

– Село называется Бирюзьяк, над нами хозяина нет, все решают старики, сейчас я сделаю еще выстрела четыре, загрузу лошадь и поеду домой, если хочешь, езжай со мной, – предложил охотник.

Развернувшись, Азагоев пошел назад к месту своей стоянки. Сзади вновь раздался звук выстрела. Сквозь кустарник он вскоре увидел своих овец, все так же щиплющих траву. Собаки же, учуяв человека, вначале вскинулись, но, увидев хозяина, весело замахали хвостами. Патимат сидела на свернутой бурке, вязала спицами из шерстяной пряжи носки, счастливо улыбнулась мужу. Положив уток у ее ног, Ахмед сказал:

– Свари их, пока я съезжу в село, там живут рыбаки.

– Хорошо, – согласилась женщина, отложила носки и принялась щипать дичь.

Горец еще нарубил дров для костра, сходил на речку, принес воды, оседлал лошадь, взял с собой кинжал и пистолет, оставил заряженное ружье и винтовку жене, он знал, что, если надо, она сможет воспользоваться оружием. Прыгнув в седло, махнув рукой, поехал вновь к озеру. Между тем оттуда опять послышался выстрел. Жеребец, увидев лошадь, весело заржал, двинулся было навстречу, но привязанная уздечка не пустила. На берегу уже стоял полный завязанный мешок в пятнах крови, второй лежал пустым, но вот охотник пристал к берегу, подмигнув, весело сложил в него птицу. Вновь сев в лодку, поплыл на озеро, оттуда вскоре раздался выстрел. Проделав свою работу, наполнив мешки, погрузив их на коня, отвязав его, запрыгнул в седло, махнул Азагоеву следовать за ним.

Пока ехали по тропе между густым кустарником, жеребец Александра все пытался оглянуться на идущую следом кобылу, недовольно фыркал на понукания седока, когда выехали на широкую дорогу, ведущую от села к соленому озеру, поехали рядом, конь начал всячески оказывать внимание соседке – то ласково заржет, красиво выгибая шею, то пытается немного прикусить ее. Кравцову постоянно приходилось сдерживать его, а кобыла, видимо, была не против ухаживаний, не отстранялась, ласково косила влажным глазом.

– Надо встретить их, – хлопнул по шее свою лошадь Ахмед.

– Ты хочешь сказать, их нужно свести? – уточнил охотник.

– Да, – подтвердил горец.

– Тогда первый жеребенок мой.

– Нэт, – возмутился Азагоев, – он с мамой будет год, кормить, поить надо, смотреть за шакал, чтобы не съел.

– Но ведь жеребец мой, без него не будет потомства.

– А моя кобыла, – вновь возразил горец.

– Хорошо, рано ещё делить неубитого медведя, потом бросим монету, но нужно свести как можно быстрее, – согласился Кравцов, – если дальше не поедешь.

– Разве здесь ходит медведь?

- Нет, это пословица такая.
- А что дальше?
- Дальше сплошной солончак, а потом море, Крайновка, там власть, милиция.
- Нэт, дальше нэ поеду, надо овец чик-чик, помочь?
- А много?
- Два по десять, – показал Ахмед на пальцах.
- Двадцать штук не много, на день работы, отчего не помочь, – согласился охотник. –

Шерсть всем нужна, поменяешь потом на муку, рыбу. Завтра еду в Крайновку, привезу что надо.

- Когда поедешь, твоя денга дам, товар принесешь?
 - Почему не купить? Всем товар беру, кто просит.
- Немного помолчали, потом Азагоев вновь спросил:

- Старик нэ будет против?

– Земли у нас скудные – дно моря, в основном солончаки, сено для коров далеко косим, но овец пасти старики разрешат – шерсть-то нужна, да и шкуры. Вот только волков много зимой лютует.

- На волк винтовка. А казак ворует?
- Я сказал, казаков у нас нет, никто не ворует, хаты не запираем.

Между тем местность понизилась и путникам открылся вид на село: ровные квадраты огороженных плетнями дворов расположились на берегу широкой реки, которая когда-то была границей между казачьими станицами и горцами, белые крытые камышом хаты весело блестя округлыми глазами окон, аккуратные хозяйственные постройки, хлева для свиней, скота, зеленеющие молодой листвой сады, виноградники. В огородах копаются бабы, мужчины возле речки чинят вентера – снасть для ловли рыбы, по улице носится стайка мальчишек, гоняясь друг за другом.

- Вот и мое село, – показал рукой Александр.

- А много мужчин? – спросил Ахмед.
- Ты хочешь спросить, сколько дворов?
- Да.

– Двадцать пять хозяйств. К морю двадцать километров, но и в Кардонке хватает рыбы: и судак, и осетр, сом, в сети попадается даже белуга, вобла идет на нерест.

- Мечеть где?

– О, о мечети здесь даже и не слышали, может, в Кизляре есть. Да и людей твоей веры здесь нет, горцы здесь не живут.

Всадники достигли первого двора – здесь ещё деревья не поднялись, да и отростки винограда были совсем маленькие.

– Вот и мой двор, – показав на хату, Кравцов крикнул: – Даша, я скоро буду, готовь обед! Вон старики сидят, как всегда, под деревом, греются на первом солнышке, а мне надо добычу раздать, ведь ружье здесь только у меня, – пояснил он Азагоеву.

Под тем же деревом сидели старики, одеты они были так же, как и год назад. Подъехав к ним, горец спешился, а Александр сказал прямо из седла:

- Здравствуйте, дедушка, к вам человек, хочет здесь жить, – и поехал дальше.

Старики с любопытством смотрели на непривычно одетого, похожего на жителя гор мужчину.

- Ну, здравствуй, – приветствовал самый старый – дед Матвей. – Кто таков, откуда к нам?

Почтение к старикам с молоком матери было впитано горцем, и поэтому он, протянув руку, поздоровался с каждым.

- Салам алейкум, Ахмед Азагоев, хотел тут овца пасти моя с гор, – ответил Ахмед.
- Вижу, что с гор, там что, пастбищ не осталось?

– Гора хорошо, много дерева, трава, холодный чистый вода.

– Так что ж ты не сидел в своих горах? – спросил самый маленький и самый младший.

На этот вопрос Азагоев решил было промолчать, но вновь заговорил дед Матвей:

– Ты бы промолчал, Прошка, когда старшие говорят. Я знал тебя, когда ты ещё на горшок ходил. А ты, Ахмед, не смотри на этого болтуна, здесь все свои, и если хочешь жить в селе, то должен все о себе рассказать. И поверь: все, что ты здесь расскажешь, дальше села никуда не уйдет.

На эти слова Прошка отвернулся и обиженно засопел. Подошел Александр, раздав убитую дичь и поставив жеребца дома в стойло.

– У нас все беглые: кто от царя, кто от суда, а кто и от советской власти, – между тем продолжил дед Матвей.

– Моя невеста украл, – признался горец.

– Сам-то кто по нации?

– Нохча.

– Значит, чеченец. Мы хоть в глухом селе, но обычаи ваши знаем: если тебя найдут родственники женщины, то и нам не поздоровится.

– Моя пасть овец там большое озеро, – успокаивал горец.

– Он хочет поселиться у Бешеного озера, – пояснил Кравцов.

– Хорошо, живи, только если овец будет немного, – разрешил дед Мирон.

– Десять по два, – обрадовался Азагоев. – Ещё хата, кошара, сад, лодка, деньга есть.

– Насчет строительства – поможем, только жердей сухих из акации нет, в понедельник мужики нарубят – через месяц высохнут. Камыш мы косим зимой по льду, если сам сумеешь накосить, поставим тебе хату и кошару, денег не надо – мы всегда помогаем друг другу, но и ты не откажи, когда попросим помочь. Рыбу мы ловим вентерями, редко ставим сети. Кстати, у Александра есть лишние венгеря, он даст тебе на первое время, научит пользоваться. Соль берем на озере.

На этом, как понял Азагоев, разговор был окончен. Вежливо попрощавшись, ведя лошадь в поводу, мужчины направились ко двору Кравцова.

– Можешь привязать ее к забору, – сказал охотник, снимая с колышка веревочную петлю, которая держала ворота закрытыми. На хозяйственном дворе Александр вошел в один из сараев и вынес оттуда два венгеря – несколько кругов, затянутых сеткой и пропитанных черной смолой.

– Пусть они пока постоят здесь у стены, а мы пойдем на речку, посмотришь, как ими пользоваться, – с этими словами хозяин повел гостя через молодой сад и виноградник к Кардонке.

Здесь прямо над водой на деревянных сваях были забиты мостки, метрах в четырех от них виднелись круги венгерей, у самого деревянного настила из воды торчали кольца, ещё две палки были воткнуты дальше видневшейся снасти для ловли рыбы. Берега мутной речки поросли камышом, в котором суетились мелкие птички, желтая змея на противоположном берегу, свернувшись в клубок, грелась на солнце.

– Для того чтобы их установить, необходимо сначала войти в воду не глубже первого большого кольца снасти, втыкаешь первый кол, потом растягиваешь венгеря на всю длину, но так чтобы узкий конец можно было легко вытащить из воды, втыкаешь второй кол, – пояснял охотник. – В венгере на каждом кольце есть узкие отверстия: рыба заходит в снасть, а назад выйти не может – мозгов не хватает развернуться и уйти в узкое горло.

С этими словами Кравцов выдернул один из колец, поднял его и перекинул на другую сторону мостка. Палка оказалась привязанной к концу снасти, который и поднялся поверх воды. В его последнем кармане плескалось несколько рыбин, среди них два крупных сазана и небольшой, килограммов на пять, осетр. Александр развязал горловину венгеря, ловко выло-

вил за жабры крупную рыбу, покидал ее на берег, а попавшуюся мелочь – несколько судачков, сомика, пару подлещиков – выпустил в воду, потом снова завязал вентерь и, опустив его в воду, закрепил при помощи кола.

– Утром проверял – сейчас зашло еще мало рыбы, проверяем два раза в день, иначе рыба может порвать снасть, еще досаждают ондатра – грызет снасть и ест рыбу, – пояснял хозяин. – Бери осетра – и пойдём.

Змея, испуганная шумом, скользнула в воду и поплыла прочь, оставляя быстро исчезающий след.

– Змея не кусает? – спросил горец.

– Ядовитых – не было случая, если не схватишь или не наступишь, сама уйдет, а это желтобрюх, он не ядовит.

Сложив выловленную рыбу в мешок, мужчины поспешили через сад и виноградник, видно было, что семья здесь живет недавно: из земли торчали только что высаженные чубуки винограда, под саженцами деревьев еще не слежалась земля. Вышли на хозяйственный двор, здесь, положив трепыхающихся сазанов и осетра на сено, копной сваленное у коровника, Александр из сарая принес ещё один мешок и положил их туда.

– Это тебе, – протянул мешок Кравцов гостю. – Может, зайдёшь, пообедаем? Жена уху сварила из осетра.

– Нэт, – ответил горец, – моя шурпа варили с утка.

– Тогда конечно, если ждет, надо ехать.

– Вот деньга, привезёшь моя надо мука мешок, – протянул охотнику Азагоев золотой царский червонец.

– Хорошо, завтра после обеда привезу, тогда и коней сведем, – пообещал Александр, пряча деньги в карман.

На том и порешили. Хозяин помог Ахмеду погрузить на лошадь вентерь и рыбу, и довольный горец под лай собак поскакал к своей стоянке.

Подъезжая, он увидел над верхушками кустарника сначала дымок от костра, а потом донесся запах похлебки, густо приправленной травами. Вот открылась поляна, на которой белые овцы, не реагируя ни на что, щипали траву и обрывали молодые ветки кустарника, только хозяин стада – старый баран – настороженно вскинулся навстречу, но, увидев горца, вновь принялся за еду. Собаки же, давно учуяв своего хозяина, бежали навстречу, виляя пушистыми хвостами. Подбежав, припустили рядом, подпрыгивая, игриво норовя прикусить за одежду. Патимат хлопотала у подвешенного над костром котла, откуда шел пар и кипела похлебка. Перья уток женщина разложила на солнце, чтобы просыхали, потроха скормила собакам. Спешившись, Ахмед снял с лошади вентерь, мешок с рыбой, расседлал и пустил её пастись, обнял жену, сел у костра на расстеленную бурку, поблагодарив Аллаха. Патимат налила в глиняную миску суп с половиной утки, достала лепешки, молодую черемшу, села напротив, с любовью глядя на мужа. Утолив первый голод, Ахмед рассказал:

– Село небольшое, называется Бирюзьяк, дворов двадцать пять, живут беглые русские, казаков нет, веруют в Христа, относятся доброжелательно, все решают старики, нам разрешили здесь жить, обещали помочь построить хату, кошару, за это мы им должны продавать шерсть. Александр, охотник, который убил уток, дал вентерь для ловли рыбы, двух сазанов, осетра.

– Это хорошо, мне здесь нравится, хотя в горах лучше, – загрустив, ответила жена.

– Не грусти, все образуется. Ты знаешь, отец однажды, съев утку, рассказал такую притчу: в одной большой семье жена сварила утку, хозяин задумался, как ее разделить, чтобы никому не было обидно. Мимо проходил Ходжа Насреддин, вот он и попросил старика разделить птицу по справедливости. Насреддин был голоден и с радостью согласился помочь семье. Голову он отдал старшему в семье – отцу, шею – жене, крылья – дочерям, а ноги – сыновьям, себе же оставил туловище. «Что же ты, старик, так разделил утку?» – возмущенно спросил хозяин. «Ты

же сам просил разделить по справедливости: вот тебе, как самому старшему, голова, жене – шея, ведь куда шея повернет, туда голова и смотрит, дочерям – крылья, когда они вырастут, улетят из дома, а сыновьям – ноги, чтобы они неустанно приносили в дом богатство, а мне – туловище за то, что я так справедливо разделил тушку», – ответил довольный старик и пошел дальше, оставив хозяина с носом. Послушав рассказ, Патимат разразилась звонким смехом, Ахмед же, пообедав, встал, поставил руки под струю воды, льющейся из медного кувшина, который держала жена. Умывшись, Азагоев сказал жене:

– Ты разделай рыбу – сазанов посоли, а из осетра вечером сваришь уху, а я пойду на речку, поставлю снасть, а потом надо построить хотя бы шалаш, – с этими словами горец взвалил на спину вентеря и пошел к шумевшей недалеко речке. Кардонка, убежав от Терека, вобрала и его горные воды, она была мутная как кисель, с мелким мусором, щепками, навозом. Местами речка широко растекалась на мелководье, вот туда и заходила рыба на нерест. К такому заливу и пришел Ахмед. Чтобы поставить снасть, нужно было зайти в воду хотя бы по пояс. Горец разделся, хотя солнце уже сильно пригревало, но вода ещё была холодная, но он с детства привык купаться в ледяной воде горных речек, поэтому смело вошел в залив, распугав многочисленную стаю птиц. Зайдя на нужную глубину, воткнул колья и растянул вентеря, как учил Кравцов. Закончив с этой работой, Азагоев вышел на берег, оделся и пошел назад. Подойдя к стоянке, где жена уже разделала рыбу, посолила ее, проложив листьями лопуха, он вновь нарубил гребенчука для костра, отойдя чуть дальше, нашел несколько деревьев лоховника, срубил кинжалом наиболее ровные жерди, притащил к месту будущего двора, обрубил лишние ветки и собрал каркас шалаша, потом оседлал лошадь и поехал к ближайшему озеру. Здесь Ахмед стал рубить прошлогодний камыш, складывая в сноп, затем связал его и, привязав веревкой к седлу, волоком притащил к месту стройки, где накрыл им одну из стен шалаша. Для того чтобы обставить его со всех сторон, пришлось ещё два раза ездить к озеру. К тому времени Патимат уже сварила уху, напекла лепешек и сидела вязала носки, наблюдая за мужем.

Закончив со строительством временного жилья, горец расседлал и пустил пастись коня, попону же расстелил в шалаше на застланном камышом полу. Солнце уже коснулось горизонта, и наступило время вечернего намаза. Расстелив коврики и обратившись к светилу, мусульмане вознесли молитву Аллаху, затем поужинали рыбой, лепешками и неизменной черемшой.

– У нас скоро кончится черемша и мука, – сказала жена.

– Я дал денег Александру, он должен завтра купить муки, а черемши здесь нет. Местные сеют кинзу, петрушку, укроп, выращивают капусту, помидоры, огурцы, тыкву, арбузы, виноград, будем менять на шерсть, – успокоил Ахмед.

– Александр не обманет? – спросила Патимат.

– Надеюсь, нет. Он, похоже, честный человек, офицер, – ответил муж.

Сумерки густо накрыли землю, вышли на охоту ночные звери: где-то в кустарнике заухала сова, летучие мыши с писком проносились в небе, на лету ловя насекомых, в камыше на озере свинья вывела свой выводок на выпас. Маленькие поросята весело визжали и хрюкали. Вот подал голос один шакал, потом другой. Огромная круглая желтая луна осветила своим тусклым светом все вокруг, затмив собой Млечный Путь. Вдали тоскливо завыл волк – шакалы сразу замолкли, услышав сильного соперника. Молодая женщина в испуге прижалась к мужу.

– Не бойся, родная, волк сейчас сыт, побоится сильных собак, он ведь тоже не глуп – никогда не будет зря рисковать, можно спать спокойно, – успокоил горец.

Легли спать, укрывшись буркой. Ахмед положил рядом с собой заряженный обрез. Ночью собаки два раза вскидывались, громким рыком отпугивая зверя.

Туманное утро разбудило молодых криком птиц, зашевелились, просыпаясь, овцы. Молодой человек вылез из-под бурки, потянулся, растягивая залежавшиеся мышцы, провел ладонями по мокрой от росы траве, омыл лицо. За ним вышла из шалаша Патимат и также умылась росой. После намаза позавтракали вчерашней ухой, рыбой.

– Сейчас у нас мама приносит брынзу с лепешками с маслом, – вновь взгрустнула жена.
– Ничего, у нас скоро окотятся овцы – будет и брынза, и масло, – сказал Ахмед. – Я сейчас пойду проверю венгеря, наверное, там уже зашла рыба, потом буду охотиться.

Молодой человек обтер мокрую лошадь сухой тряпкой, оседлал и, взяв мешок, поехал к заливу.

Для того чтобы достать рыбу, нужно было вновь зайти в воду. Раздевшись и испугнув птиц, горец вошел в разлившуюся речку. В снасть попало три крупных сазана, несколько лещей и мелочь в виде красноперки и окуня. Азагоев сложил в мешок наиболее крупную рыбу, остальную выпустил. Одевшись и погрузив улов на лошадь, он вернулся назад. Патимат уже хлопотала у висевшего над костром котелка.

– Я сварила тебе чай, у нас есть сушеный урюк.

– Хорошо, я доставал рыбу из холодной воды, замерз, так что чай кстати, – и довольный горец высыпал из мешка еще живую рыбу.

– Так много рыбы, – удивилась женщина.

– Это не вся, много самой маленькой, я её выпустил.

Жена налила в чашку парящего чая, развернула тряпицу с желтыми янтарными ягодами. Попив и взяв ружье, Ахмед поехал к другому озеру на охоту. Поднявшись над низкими деревьями, солнце разогнало туман, прогрело землю. Лодка лежала на месте, но длинноствольное ружье горца било далеко. Озеро чернело от плавающей птицы, но, увидев человека, утки прыгнули в стороны и, пробегая по воде, поднимались в небо. Молодой человек срубил кинжалом небольшое деревце, сделал длинную рогатину и воткнул ее в илистый берег, потом зарядил ружье мелкой дробью, положил его на рогатину, взвел курок и стал ждать, пока водоплавающие успокоятся. Прошло немного времени, и на воду упал красивый селезень, проплыл немного и, не видя опасности, призывно прокричал. За ним села стая уток, и озеро зажило своей обычной жизнью. Ахмед стоял не шевелясь, боясь движением выдать свое присутствие, но, выбрав момент, плавно потянул курок. Сильный резкий звук выстрела и отдача в плечо – и стая вновь взмыла вверх, оставив на водной глади несколько тушек. Утки, когда живые, постоянно смазывают свои перья жиром, и все их тело пропитано воздухом, поэтому они не тонут, а из мертвых воздух постепенно выходит, перья намокают, и они опускаются на дно, поэтому Ахмед постарался как можно быстрее собрать дичь с поверхности воды. Он столкнул лодку в воду и запрыгнул в неё, но узкий плоскодонный каюк, предназначенный для плавания по зарослям камыша, перевернулся, сбросив лодочника в воду. Ругаясь и вспоминая всех шайтанов и того, кто сделал такую верткую лодку, Азагоев по колено в мягком иле перевернул ее, наклонил, вылил воду из неё и по пояс в воде пошел собирать убитую дичь. Четырнадцать тушек – таков был результат одного выстрела. Покидав их в лодку, горец вышел на берег, с него текла вода пополам с илом. К сожалению, илистый берег не давал возможности сполоснуть одежду, а развести костер было нечем, поэтому охотнику пришлось идти домой как есть мокрым. Сложив добычу в мешок, он сел на лошадь и поскакал к месту стоянки.

Подъезжая к шалашу, услышал, как невдалеке заржал конь, его лошадь заржала в ответ. Здесь уже сидел Александр прямо на траве и, сложив ноги по-турецки, пил парящий чай, закусывая его лепешкой с сыром. Спешившись, Ахмед протянул руку для пожатия. Увидев его мокрого, охотник понимающе усмехнулся, ответил рукопожатием.

– Что же ты не покормила нормально гостя? – с укором обращаясь к жене, произнес он по-чеченски.

– Он не захотел, сказал, что уже поел дома, – ответила Патимат.

– Люди подумают, что мы бедные и жадные, – и по-русски уже обратился к Кравцову: – Александр, сейчас я переоденусь, сделаю намаз, и мы покушаем.

– Ты не беспокойся, я только что пообедал.

– Твоя меня обиди, у нас все есть: и утка, и мясо, и суп, и рыба, и черемша.

– Ну, хорошо, я пообедаю с тобой, и я привез все, что ты заказывал, только твоя жена без тебя не стала разбирать мешок, – и охотник кивком показал на стоящий у шалаша баул.

– Хорошо, моя у тебя должен, – поблагодарил, снимая мокрую одежду, Ахмед.

– Ничего ты мне не должен, вместе живем, будет возможность – и ты мне поможешь, это осталось, – достал из кармана Александр несколько советских монет. Горец взял протянутые деньги, отдал их жене, разделся. Патимат принесла из шалаша чистую одежду. Кравцов подкинул в костер дров, но правоверный мусульманин сначала совершил намаз, а потом подсел к накрытому у огня столу, где жена наставила всего, что у них было из еды. Собрав одежду мужа, горянка побежала к речке простирать ее. Расседланные кони пошли в кустарник для спаривания.

– А ты уже молодец, успел даже шалаш построить, да и жена у тебя хорошая, работающая, – сказал охотник.

– Нохча все женщина такие, – с гордостью, улыбнувшись, ответил Ахмед.

– Перья, если будут лишние, отдавай мне – Даша шьет подушки, перины, продаем, и ты будешь иметь свою копейку.

– Твоя женщина шьет для моя подушка, перина? – заинтересованно спросил Азагоев.

– У нас уже есть готовые, возьмешь завтра, потом отдашь утиным пухом, – ответил Александр и еще спросил: – Ты где поставил вентеря?

– На заливе, у речки большой берег, – ответил горец.

– И тебе постоянно приходится заходить в холодную воду.

– Моя не боится холодной воды, мы всегда ходим в свою речку, она течет с гор.

– В заливе ты не возьмешь осетра, надо сделать мостик в Кардонку, и тогда ты сможешь не входить в воду, один раз поставишь снасть. Ещё можно ставить закидушки – нанизывать на крючок обжаренную мелкую птицу.

– Моя знает, закидушку в гора так ловили рыба.

– Только надо ставить на ночь, тогда обязательно поймаешь сома.

Закончив обед, мужчины пошли на речку сооружать мостки. Сначала нарубили при помощи топора, принесенного Александром, кольев из лоховника и вбили их в дно реки, потом закрепили поперечины и застелили сверху камышом, принесли с залива и установили вентеря, предварительно выбрав пойманную рыбу.

– Нужно каждый день выбирать рыбу, – учил Александр, – иначе она сдохнет, и тогда ондатра погрызет сетку.

– А если рыба уже не надо?

– Лишнюю выпускай. Соли и суши. Соль мы берем недалеко из озера, я покажу где.

Потом Кравцов показал, как надо вязать снопы для хаты, попрощавшись, направился пешком домой, так как загулявшего коня было ловить бесполезно. Обычно хорошего кавалерийского коня кастрировали, иначе при виде лошади он бежал за ней, но Александр пожалел своего четвероного друга. Азагоев же по совету гостя вечером закинул закидушку, нанизав на самодельный крючок целую утиную тушку. Другой конец привязал к дереву, но наутро веревка оказалась оборвана, видимо, попалась очень большая рыба. Упрямый горец на другой вечер привязал веревку потолще – на этот раз сом не сорвался, веревка была натянута как струна – рыба была такая большая, что Азагоев не смог ее вытащить на берег, пришлось оставить эти безуспешные попытки и обрезать веревку. Намного позже селяне поймали в сети огромного, пудов на десять сома, во рту которого нашли крючки, изготовленные Ахмедом.

Постепенно и в этой семье жизнь стала налаживаться: построили хату, кошару. Посадили сад: айву, сливу, яблони, вишни, груши, персики, огородили плотным плетнем и загатой, два раза в год стригли овец, шерсть меняли на муку, лук, чеснок, овощи, солили на зиму рыбу и утиное мясо, зимой Ахмед с Александром охотились на оленя.

Глава 2. Ночная охота

Перемены, происходящие в стране, обходили стороной село Бирюзьяк. Селяне жили зажиточно – озера и море кормило. Они ни в чем не нуждались – в каждом дворе имелась корова, куры, свиньи. Сады давали обильные урожаи – фруктами кормили скотину, птицу. В каждом огороде стеной стояла кукуруза, наливались гроздья винограда. У некоторых появились и ружья, но охотился на крупную дичь со своим карабином только Кравцов. В зарослях камыша у озер кормились стада диких свиней. На их страже стояли свирепые секачи с огромными клыками, голову которых не пробивала даже картечь. Они могли запросто зарезать незадачливого охотника. Нечего было и думать добыть подсвинка, не вступив в схватку с главой стада. На охоту ходили вдвоём – если один промахивался, то другой добывал кабана. Александр брал с собой только Ахмеда, так как у него была винтовка, наиболее эффективная на такой охоте. Будучи мусульманином, горец не брал убитую дичь, мясо и шкуру забирал себе Кравцов, часть продавал, а деньги отдавал напарнику. В густых зарослях кустарника водились и волки – таскали молодых поросят, нападали на оленей, охотились на спускающихся с калмыцких степей сайгаков.

Зима 1928 года выдалась суровой – незамерзающее море и Кардонку на этот раз сковал лед. Мужики, у кого были ружья, ходили на Каспий бить тюленей, жир которых излечивал даже туберкулез. К тому времени у Александра уже родился второй ребенок, первенца назвали по деду – Павлом, а новорожденного – Семеном. У Ахмеда также родился мальчик – Иса.

Снег лёг рано для этой местности, температура опускалась до 25 градусов. Диким свиньям стало тяжело добывать себе корм из промёрзшей земли, и стада откочевали южнее к предгорьям, туда же ушли олени и сайгаки. Оголодавшие волки сбивались в стаи, подходили близко к селу, нападали на домашний скот. Мужики ночевали в хлевах с заряженными ружьями. Хищники чуяли человека с оружием, ходили рядом, боясь нападать, выли на полную луну. У некоторых селян таскали даже собак. Двор Кравцова охраняли два больших волкодава – щенков взял у Ахмеда.

Ночь в середине января следующего года между Рождеством и Крещением стояла морозная, лунная, безветренная. Огромное ночное светило ярко освещало покрытую искрящимся снегом землю.

Ахмед в эту ночь также ночевал в кошаре вместе с овцами, оставив в хате Патимат с маленьким ребенком и с заряженным кремневым ружьем. Сам горец взял обрез и семизарядный револьвер. В дальнем углу лениво жевала траву лошадь, кося глазом на хозяина.

Сначала стая хищников кружила у деревни, с тоской воя на луну. Даже падальщики шакалы затихли, почуяв более сильного зверя, но держались неподалеку, надеясь подобрать остатки после удачной волчьей охоты.

Во второй половине ночи сидевший на куче сена человек стал засыпать, голова неудержимо клонилась к груди, из руки выпала тяжелая винтовка. Но собаки были начеку – встретили во дворе незваных голодных гостей, предупредив хозяев о нападении. К тому времени у Азгоева было уже четыре собаки. Когда горец распахнул ворота кошары, четыре комка шерсти с рычанием и визгом катались на снегу, окрашивая белую скатерть красной кровью, волки бесстрашно прыгали через плетень, стремясь добраться до овец, сгрудившихся под камышовой крышей, но здесь их встретил горец. Первого он достал из винтовки, но патроны кончились слишком быстро. Зверей было слишком много, на перезарядку времени не было, пришлось взяться за револьвер. Волк, прыгнувший следом во двор, получил пулю и, скуля, окрашивая снег кровью, закрутился на месте. Но взамен его появились ещё двое. Первый пал мертвым, а второй успел прыгнуть еще раз прямо на человека, но тот, не испугавшись, воткнул ему в пасть ствол винтовки и добил из револьвера. В револьвере также кончились патроны, горец не

успевал его перезарядить, и, отбросив бесполезное оружие, он взялся за кинжал. Но и собаки тоже не остались в долгу – трое одержали победу и снова кинулись на противников.

Кравцов в ту ночь, как всегда, охранял свой двор, в хлеву которого находилась корова с теленком, конь, несколько свиней и в отдельной загородке – куры. Луна перевалила за полночь, звери, покружив вокруг села, ушли искать добычу полегче, и охотник задремал, сидя в углу на охапке соломы. Карабин стоял между ног, а верный Стечкин – на поясе в кобуре. Разбудил его треск винтовочного выстрела, прозвучавшего вдали. Вскинувшись, Александр, не выпуская оружия из рук, открыл ворота, вывел неоседланного жеребца. Сильный мороз забрался под полушубок, щипал открытые щеки, затруднял дыхание. Проведя животное через двор, предварительно закрыв за собой ворота, вышел на улицу, вскочил на голый круп, ударил каблуками сапог в бока. Лошадь взяла с места в галоп, но опытный наездник вцепился в гриву, пригнувшись навстречу холодному ветру.

Несмотря на суровую зиму, дорога была накатана – мужики ездили к озеру, рубили лед для ледников, косили камыш. Пять километров до кошары Ахмеда всадник промчал за несколько минут. Умная лошадь, почуяв зверя, стала тормозить, возмущенно фыркая. Александр спрыгнул на землю, тут же выстрелив в кинувшуюся навстречу тень, волк, заскулив, покатился ему под ноги. Со стороны двора слышались звуки борьбы – рычание и скулеж животных, из хаты раздался выстрел мощного ружья. Хищники, почуяв новую опасность, бросили попытку поживиться свежим мясом, кинулись в разные стороны, некоторые прыгали назад, попадая под выстрелы Кравцова. Сухо щелкнул боек, извещая о том, что патроны кончились, и он, откинув карабин, выхватил пистолет, но стрелять было уже некого – животные разбежались зализывать раны. На снегу остались лежать семь туш, некоторые были ещё живы – поскуливали, дергали ногами, пытались достать зубами проходящего мимо охотника. Александр из пистолета добивал подранков. Во дворе лежало девять комков шерсти, не подающих признаков жизни, красные пятна крови резко выделялись на белом снегу, с одним разбирались три собаки, но и тут все было ясно, и вскоре с последним хищником было покончено. Среди них желтым комом лежала собака, вцепившись мертвой хваткой в горло волку, отдав свою жизнь за хозяев.

Ахмед сидел, опершись спиной о закрытую дверь кошары, в которой испуганно блеяли овцы. Из его ноги ниже колена толчками бежала темная кровь, но он хладнокровно набивал пустой барабан револьвера патронами, рядом лежали три волка, из бока одного торчала рукоять кинжала.

– С тобой все в порядке? – спросил подошедший охотник.

– Волк ушел? – в свою очередь спросил горец и, дождавшись кивка охотника, продолжил: – Патимат стреляла из двери, убила волка, который схватил меня за руку, ружье было заряжено двумя картечинами. Одна пуля попала в волка, другая – мне в ногу. Он уже неплохо говорил по-русски, только слышался небольшой акцент.

Александр посмотрел на хату, из двери которой еще шел дым. Из проема вышла женщина, как всегда, одета во все черное, левой рукой с зажатым в ней охотничьим ножом держалась за правое плечо, она была беременна – под платьем выделялся небольшой животик. Увидев раненого мужа, Патимат осела на пол.

Прошедший войну охотник умело перетянул раненую ногу, остановил кровь.

– Со мной все в порядке, кость не задета, пуля прошла навывлет. Ты лучше собери убитых волков за загатой, чтобы шакалы не растащили. Утром обдерем туши – будет барыш.

Кравцов быстро стащил во двор семь туш хищников. Пришедшая в себя Патимат бросила нож, подошла к мужу и левой рукой пыталась поднять его на ноги – правая у неё пока не действовала. Освободившийся охотник подбежал к раненому, помог подняться, выдернул из тела мертвого волка кинжал, вытер его пучком сена и вложил Ахмеду в ножны.

– Женщина стреляла из большого ружья и зашибла прикладом себе руку, теперь она не работает, – пояснил горец.

Вдвоём они отвели раненого в хату, положили на широкую лавку, укрытую волчьими шкурами. В соседней комнате слышался плач разбуженного ребенка.

– Надо подвязать руку к шее и стараться не тревожить, – советовал Александр.

– Все сделаем как надо, ты иди домой, жена, наверное, уже беспокоится, – сказал Ахмед.

Попрощавшись, охотник бегом направился к виднеющемуся в ночи селу, тяжелый карабин оттягивал плечо. У ворот его встретила Даша в ночной рубашке и полушубке, накинутом на плечи, с плачем кинулась навстречу.

– Я тут чуть с ума не сошла, когда лошадь прибежала одна, а там все стреляли, – со слезами рассказывала она, обнимая мужа.

– Ну, ну, все в порядке, мы их всех победили, теперь стая не будет нам угрожать, – утешал он жену, глядя по распущенным волосами.

Утром Кравцов взял двух мужиков и на телеге, которую тянула лошадь, поехал к кошаре Азгоева обдирать убитых волков. Навстречу вышла Патимат с подвязанной к шее правой рукой, пригласила охотника в хату. Согласившись, Александр распорядился работать без него.

Ахмед сидел за столом, перед ним в глиняной миске лежала горка жареного мяса, рядом стоял чугунок, из которого поднимался ароматный пар.

– Садись, друг, – он впервые назвал гостя так.

Александр было отказался – он только что плотно позавтракал, но увидел, как нахмурился хозяин, снял полушубок, треух, все отдал подошедшей женщине, сел на лавку у стола. Патимат поставила перед ним миску и положила туда мяса из чугунка, разложила лепешки.

Кравцов оказался в гостях у горца второй раз, первый – когда сложил печь, и по этому поводу горец организовал небольшой праздник, собрал всех знакомых ещё в пустой хате, и сейчас с интересом осматривал комнату. В отличие от русских, здесь стены были завешаны плюшевыми коврами с изображением оленей, медведей, на лавках и на полу – лоскутные половики, шкуры животных в середине, печь, разделяющая хату на две половины, проем двери второй половины завешен шерстяным одеялом, на печи кухонная утварь – сковородки, чугунки, миски. Полки на стенах занавешены полотенцами, вдоль стен лавки, ведра с водой. Над окном ходики с гирьками на цепочках, показывают время острыми стрелками, недавно привезенные из Крайновки. От печи шел сухой жар.

Александр по привычке поискал в правом углу иконы, но, не увидев их, просто переkreстился, выпил молодого вина из глиняной кружки и принялся за тающее во рту мясо молодого барашка. Поев немного, он отодвинул чашку.

– Очень вкусно, твоя жена умеет готовить, очень жаль, что я уже поел дома и не голоден, – сказал он.

– У меня уже излишек скота – более пятидесяти, и местные пастбища не могут прокормить больше, поэтому мы уже начинаем резать старых и больных, но этого молодого барашка я зарезал в честь нашей победы над волками. Ты спас мне жизнь, и ты теперь мне как брат, – улыбнулся горец, разгрызая крепкими зубами мелкие косточки. – Половинку туши заберешь себе.

– Спасибо, но у меня достаточно запасено мяса кабана, уток, икры, рыбы, – отказался охотник.

– Не надо обижать меня. Барашек молодой, мясо свежее, не засоленное, и еще пара в отаре теперь твоя, что хочешь, то и делай.

Как только мясо в мисках закончилось, тут же вышла из смежной комнаты жена Ахмеда, убрала посуду, чугунок на печь, достала с полки глиняные кружки, с печи – медный чайник, поставила перед каждым мужчиной, налила в них густого чая с молоком, положила перед каждым по куску сыра брынзы. Следом за ней вышел голопузый, черноволосый, черноглазый двух-

летний мальчик, уставился на взрослых, держа во рту большой палец. Увидев мальчика, гость улыбнулся.

– Иса очень похож на тебя, Ахмед.

Азагоев приосанился, гордо погладил небольшую черную бородку.

– Сыновья – опора отца в старости, и я очень рад, что у меня сын, он уже немного разговаривает, жаль, что дед его не видит, но я думаю, что после его рождения родственники простят нас.

Мальш, видя, что взрослые обратили на него внимание, спрятался за юбкой матери. Обслужив мужчин, Патимат ушла с сыном на свою половину. Чай оказался на удивление сладким и в сочетании с соленой брынзой давал удивительный вкус. Друзья немного помолчали, наслаждаясь терпким напитком.

– Хорошо, я возьму твоего барашка, действительно, мы уже давно не ели свежего мяса, – согласился Кравцов, отставляя пустую кружку, – а шерсть мне всегда нужна.

– Овца будет ходить в саде – ты будешь брать с них шерсть, через год у тебя будет уже четыре барашка, потом восемь, потом десять – больше нельзя, сам знаешь, тогда можно и их резать.

– Спасибо, Даша обрадуется, будет вязать свитера, носки, варежки.

– Не надо благодарить – это очень мало за нашу жизнь.

Мужчины встали из-за стола, обменялись крепким рукопожатием, вышли во двор, где на дереве на морозе висел бок молодого барашка.

Пока гость и хозяин обедали, мужики ободрали мертвых волков, погрузили туши на телегу и под недовольное фырканье лошади отвезли подальше на пир шакалам и воронам, шкуры же, присыпав солью, сложили в пустой кузов.

Забрав мясо, Александр сел в телегу. В ту ночь охотники отстреляли самую большую стаю, и хищники в эту зиму больше не тревожили селян. Всего было убито пятнадцать особей.

Глава 3

*Весь мир насилья мы разрушим.
«Интернационал»*

Как и предвидел Кравцов, новая власть добралась и к ним в глухое село. Каждый год охотник ездил в Крайновку, возил на своей телеге шкуры волков, кабанов, оленей, ондатры, которой было великое множество в озерах, возил также и соль, которая пользовалась спросом у местных рыбаков, менял на необходимые товары – муку, сахар, керосин, прочную капроновую веревку для снастей, битум для пропитки вентерей, стекло, гвозди, покупал свинец, порох. Товар сразу забирали местные купцы оптом после долгой торговли. В ходу появились новые деньги – сначала с молотом и плугом, потом с серпом и молотом, медные, серебряные и даже бумажные. Советы надолго утвердились у власти. Александр брал только серебро.

Однажды один из купцов сам предложил привозить к ним в село свой товар. Кравцов, подумав, согласился, в конце концов, количество жителей увеличивалось, и одной ходки с товаром всегда было мало, да и купец предлагал совсем уж невиданный товар – отрезки шелка на платья, расписанные цветами платки, бусы, серьги, духи и косметику, для мужиков бритвы, хорошие ножи, керосиновые лампы, легкие жестяные ведра, алюминиевые сковородки и кастрюли, настенные часы, книги. Ударили по рукам, и каждый месяц купчина стал навещать село.

В один из жарких летних дней вместе с ним на лошадях приехали три человека, одетых в необычную форму – белые фланелевые кителя, черные, с узкими синими лампасами галифе, заправленные в кирзовые сапоги, из-под форменных фуражек с красной звездой по пропыленным лицам дорожками тек пот. На поясах – широкие ремни, за спинами – карабины. Впереди ехал офицер, его выдавала кобура с револьвером на поясе в кожаной, рыжего цвета кобуре, на голубых петлицах на воротнике красные кубики, из-под сдвинутой на затылок фуражки свисли черные, покрытые пылью и потом волосы, крупные, на выкате глаза не останавливались, перебежали с одного предмета на другой, цепко охватили улицу, хаты, остановились на группе стариков, сидящих на завалинке, на стайке вездесущих мальчишек, собравшихся с любопытством посмотреть на прибывших людей. Возраст его невозможно было определить – где-то от двадцати до сорока лет. Узкий лоб пересекли глубокие морщины.

Два других всадника – молодые мужчины лет под двадцать, похожи друг на друга, видимо, братья, видимо, из крестьян – простоватые круглые веснушчатые лица, волосы цвета пшеницы, петлицы без знаков различия, на поясах подсумки для патронов, ножи в чехлах, к седлу привязаны фляги для воды, дорожные сумки.

Купец, как всегда, остановил свою телегу посреди села, как раз напротив стариков, солдаты остановились тут же.

– Ты кого нам привел, Леха? – строго спросил дед Матвей.

Растерявшийся купец слегка поклонился старикам.

– Так ведь сами приехали. Милиция, – ответил он.

– А разве тебя не предупреждали, чтобы никого сюда лишнего не водил?

– Так ведь власть, разве против нее погрешь? – оправдывался мужчина.

Он был среднего роста, черные волосы, борода, хитрые маленькие глазки. Несмотря на жару, одет в красную шелковую рубашу, поверх жилетка со множеством карманов, шерстяные черные брюки заправлены в короткие сапоги, за голенище засунута плетка.

– Значит, так, купец, – жестко сказал старик, – последний раз я тебя здесь вижу – ты не держишь своё слово, и скажи спасибо, что отпустили живым, и вас здесь не ждали, – обратился он к милиционерам.

– Нас не зовут, мы сами приходим, и кто вы такие, фамилии, имена? – неожиданно тонким голосом прокричал командир, ерзая в седле.

– Мы не обязаны перед тобой отчитываться, – ответил Мирон, оглядывая собеседника с ног до головы.

– Значит, вы не признаете советскую власть? – вкрадчиво спросил милиционер.

– Власть мы признаем любую, лишь бы она не трогала нас.

– Тогда мне нужно переписать всех, кто здесь живет, с целью выявления преступного, несогласного с властью элемента.

– Преступников у нас нет, ни воров, ни убийц, – вновь ответил старик.

– Меня интересуют не только воры и убийцы, но и враги народа – саботажники, белые офицеры, бандиты.

– Таковых здесь тоже нет.

– Ну, мы еще просмотрим.

– Смотри, смотри, мы все здесь на виду, – усмехнулся в усы дед Матвей, показывая морщинистой рукой вдоль улицы.

Офицер развернул коня, скомандовал солдатам:

– За мной!

У телеги купца между тем собрались бабы – посмотреть товар, они внимательно прислушивались к разговору и проводили встревоженным взглядом милиционеров. Братья, услышав команду, поспешили за своим командиром под лай дворовых собак. Миновав село, видимо, по наводке купца они направились к кошаре Азагоева. Возле ворот их встретили свирепые псы, рыча и скаля желтые клыки, рядом стоял с торбой, наполненной овсом, привязанный к столбику плетня оседланный конь. Командир, с опаской косясь на лохматых волкодавов, достал из кобуры револьвер, взвел курок.

– Эй, кто-нибудь здесь есть?! – крикнул он.

Дверь хаты приоткрылась, из неё выглянула миловидная женщина и тут же скрылась. Потом дверь вновь открылась, и из неё вышел высокий красивый горец, держа в руках длинноствольное ружьё, на его широкие плечи накинута льняная потрепанная рубашка с оторванными рукавами, черные брюки, короткие сапоги, за тонким ремнем – кинжал в ножнах. Следом вышел другой мужчина – Кравцов, как раз гостивший у Ахмеда, он тоже был одет полетнему – свободная белая рубаха с коротким рукавом, расстегнута на волосатой груди, темные штаны и кожаные ботинки.

– Что надо, кто такие? – строго спросил горец, направляя ствол на незваных гостей.

– Участковый уполномоченный народной милиции Квасов, – ответил офицер, достал из бокового кармана серебряный портсигар с царским орлом на крышке, открыл, взял папиросу, смял мундштук, сунул в рот. Из другого кармана достал коробок спичек, прикурил, сунув пистолет в кобуру, положил коробок и портсигар на место. – А ты будешь Ахмед, чеченец. Что-то ты негостеприимно встречаешь гостей?

– Как говорят русские, незваный гость хуже татарина, – ответил нохча.

– Пришла директива из центра, что чеченцы оказывают активное вооруженное сопротивление советской власти, и ещё известно, что вы воры и бандиты, поэтому я тебя арестовываю до выяснения твоей причастности к сопротивлению, – он дал знак своим солдатам, и они взяли свои винтовки на изготовку.

– Твой солдаты, может, и останутся в живых, но ты точно умрешь, – прищурился, проговорил горец.

– Товарищи, спокойно, не надо нервничать, лучше поедимте со мной, посидим в тени, выпьем холодного вина, поедим рыбки, икры, отдохнете с дороги, – произнес охотник, показывая пустые руки.

Видя направленное на него ружье, трусоватый командир решил временно отступить, приехав потом со взводом бойцов Красной армии.

– Хорошо, но учти, чурбан: мы еще встретимся в другой раз, – Квасов сплюнул окурочок на землю, разворачивая коня.

– Конечно, встретимся, – с угрозой ответил Ахмед.

Александр вышел за ворота, отвязал торбу, вскочил на коня и поехал в село, милиционеры повесили винтовки на плечи и двинулись следом.

За прошедшее время село выросло на два двора, и хата Кравцова уже не была с краю. Всадники проскакали по краю села, распугивая кур и недовольных гусей. Кравцов остановил животное у своей изгороди, ловко спрыгнул на землю, набросил вожжи на кольшечек, скинув веревочную петлю, предназначенную для того, чтобы калитку не открывало ветром, открыл её и пригласил гостей.

– Привязывайте коней к кольям плетня и проходите во двор, садитесь за стол.

Усадив милиционеров под разросшейся беседкой, сам, извинившись, пошел на хозяйственный двор, завел лошадь под навес, расседлал, вытер влажной тряпкой, успокоил своих волкодавов, которые, почуяв чужих, глухо, недовольно ворчали.

Двор Кравцова построен по одному образцу: справа и слева – хаты, кухня и жилая, навес с летней печью, беседку заплел виноград – зеленые кисти висели прямо над столом, стоящим посередине двора.

– Хорошо живешь, – произнес командир, осматривая постройки.

– У нас все так живут, ленивых нет, помогаем друг другу, – ответил Александр и крикнул в сторону кухни: – Даша, принеси нам холодного вина и что-нибудь закусить!

Открылась дверь кухни, и из неё вышла Дарья, неся в руках глиняный кувшин и четыре кружки, за ней, держась за подол, шел голый мальчик двух лет от роду. Одета была женщина просто: легкое ситцевое платье, чистый передник, на голове повязан белый платок, на ногах кожаные тапочки. Хозяйка поставила на стол перед каждым гостем кружки и наполнила их из кувшина густой, красной, пахнущей виноградом жидкостью, оставила его в центре столешницы, потом развернулась, снова ушла на кухню. Александр же подхватил к себе на руки карапуза. Он тут же протянул свой пухлые руки к кружке с вином.

– Тебе это нельзя, – строго сказал отец.

Мальш повернул к нему русую головку и упрямо сказал:

– Хочу.

– Хорошо, – согласился Кравцов, взял кружку и поднес ее к губам, сын попробовал, скривился и, заплакав, сказал:

– Кака, – что вызвало смех милиционеров.

Хозяин достал из нагрудного кармана леденец – петушка на палочке – и сунул в руку малыша, тот сразу успокоился и с удовольствием стал его сосать.

– Настоящий мужик растет, – сквозь смех сказал офицер, отпив добрую половину кружки.

Вновь пришла Дарья, на деревянном подносе принесла три миски с наваристой, блестящей желтым жиром и с кусочками осетрины уха, поставила на стол, положила перед каждым деревянные расписные ложки, еще поставила миску с черной икрой, каравай хлеба. Александр ловко поломал его, перекрестился. Жена, подхватив на руки малыша, удалилась.

– Ну, за процветание этого дома, – поднял кружку Квасов, мужики чокнулись, выпили, стали хлебать уху. Хозяин положил на краюху немного икры, выпил вместе со всеми, закусил, вновь наполнил кружки вином.

– Ты тоже из офицеров? – спросил командир, внимательно оглядывая хозяина.

– Служил в мировую, получил звание поручика, уволен по ранению, – Кравцов показал левую без двух пальцев руку.

– Ясно, – протянул офицер, – а у белых случайно не служил?

– Нет, мне хватило войны с немцами.

– Ну что ж, пока поверим, – Квасов отпил половину кружки, закусил икрой, достал папиросу, спички, закурил, выпуская дым в небо, расстегнул ворот гимнастерки.

– Я обязательно проверю, подозрительно – царский офицер и горец с бандитскими наклонностями, – милиционер допил вино, встал из-за стола, поправил гимнастерку. – Ну, нам пора, к вечеру надо быть в районе, но скоро ждите с проверкой, не нравится мне здесь – контрой пахнет.

Милиционеры вышли со двора, отвязав коней и вскочив седла, поехали по дороге в сторону Крайновки.

Александр остался сидеть за столом, задумчиво вертя в руках деревянную ложку. Подошедшая сзади Дарья обняла его.

– Нехорошие люди – ни «здравствуйте», ни «до свидания», – сказала она.

– Похоже, они достали нас и здесь, недолго мы спокойно пожили, и идти уже некуда, только за границу, но там нас не ждут, – грустно ответил муж.

– Не печалься, недолго ему жить осталось, хорошо, если доживет до вечера, – успокоила жена.

– Откуда знаешь? – удивленно спросил он.

– У него лицо мертвеца, неужели не заметил? Ведь на войне видел много мертвых.

– На войне чувство смерти притупляется, да и не присматривался я к его лицу.

Он не мог не догадываться, что горец не стерпит оскорбления, и поэтому увел милиционеров от кошары и задержал у себя как можно дольше, чтобы Ахмед подготовил достойную встречу.

Берег Каспийского моря. Полный штиль. Огромное красное солнце коснулось своим низом воды на горизонте, и слепящая дорожка пробежала от берега. Небольшие волны лениво набегали на песок. То тут, то там поверхность вскрывали круги выскакивающей рыбы, которая ловила пролетающих над поверхностью насекомых. За нею охотились стремительные чайки, падая вниз и выхватывая беспечную добычу. На берегу горами лежали выброшенные прибоем водоросли и мертвая рыба, пахло солью, разложившимися обитателями моря.

Чуть дальше от берега ветер нанес песчаные барханы, заросшие верблюжьей колючкой, каперсами. Дорога от села Бирюзьяк до Крайновки упиралась в берег моря и шла дальше по побережью, до районного центра оставалось пять километров.

За одним из барханов и устроился горец, поджидая своего врага, лошадь он отвел подальше, чтобы ржаньем не помешала задуманному. Ахмед расположился так, что его не было видно с дороги. Он лежал рядом с барханом вверх лицом на расстеленной бурке, лицо накрыто папачкой, казалось, спит, но чутко слышал все вокруг: вот высоко в небе свистит жаворонок, в песке шуршит ящерица, кричат над водой чайки, рядом на чистой тряпице лежал обрез винтовки. Он ждал уже около часа, летняя жара стала уходить вместе с прошедшим днем. Вдруг послышался топот копыт по твердой дороге, ржанье лошадей. Вот среди барханов показались всадники, уставшие кони шли медленно, впереди ехал командир на более рослом животном, кожаная куртка расстегнута, волосы на непокрытой голове слиплись от пота, фуражка на луке седла. Младшие милиционеры также без головных уборов, ворота гимнастерок расстегнуты.

Громкий выстрел оборвал пение в вышине жаворонка, и мертвое тело офицера сползло на землю – попавшая в сердце пуля оборвала жизнь. Чайки, выискивающие на берегу добычу, с испугом взмыли в небо. Увидев, что случилось с их командиром, братья прищипорили коней и галопом умчались в сторону Крайновки. Азагоев, взяв винтовку, подошел к мертвому телу, рядом стоял конь, он не мог ускакать, так как Квасов держал вожжи в мертвой руке. Ахмед выдернул их и закинул на седло. Освобожденное животное побежало вслед за милиционерами. Горец быстро обшарил труп, достал из нагрудного кармана серебряный портсигар с двуглавым

орлом на крышке, коробок спичек, из другого кармана – свернутый листок служебного удостоверения, несколько мятых денежных купюр. В карманах брюк он обнаружил ключи, грязный носовой платок, несколько серебряных монет Страны Советов и даже три золотых рубля царской чеканки, из кобуры достал заряженный пистолет. Деньги, оружие и портсигар он взял себе, остальное выбросил. Затем Ахмед свистнул коня, и тот тут же прибежал, фыркая и косясь на мертвого. Мужчина ловко вскочил в седло и поскакал по берегу моря по воде, запутывая следы. Трусливые милиционеры привели к месту трагедии власти с охраной только утром, когда вороны уже расклевали лицо убитого.

Через две недели из Грозного приехали на невиданном грузовом автомобиле оперуполномоченный с помощником и взвод солдат, с ними председатель городского совета с. Крайновка. На окраине села поставили палатки, на костре варили уху, жарили мясо. Следователи пошли по дворам, опрашивая селян о происшествии, а командир с помощниками проводил перепись населения. Милиционеры бесцеремонно входили во дворы с пистолетами в руках, требовали убрать собак. Не миновали и двор Кравцова. Хозяин как раз обедал с семьей дома: с Дарьей, старшим сыном и вторым – грудничком. Александр с трудом убрал рвущегося с цепи злобного волкодава, пригласил гостей во двор.

– Заходите, товарищи, вы как раз успели к столу, и уберите своё оружие – здесь вам ничто не угрожает.

Оперуполномоченный – широкоплечий пожилой мужчина, с нависающим над широким ремнем животом, с латунной пряжкой со звездой, черноволосый с проседью, умными голубыми глазами на широком лице. Черные, пропитанные никотином усы нависли над прямым, плотно сжатым ртом. С ним был его заместитель – немного моложе, черноволосый, похожий на цыгана, настороженные черные глаза внимательно осмотрели двор. У него через плечо висела офицерская сумка – планшет с длинным ремешком. Войдя, милиционеры убрали револьверы в кобуры, висящие на широких ремнях.

– Здравствуйтесь, хозяева, – приветствовали они Александра с Дарьей.

– Здравствуйтесь, – ответил Кравцов, – присаживайтесь к столу, сейчас жена принесет холодного молодого вина, что-нибудь перекусить.

Гости сели на лавки у стола, Даша с детьми быстро ушла на кухню.

– Старший оперуполномоченный народной милиции города Грозного Чалый Иван Иванович, – представился старший и кивком показал на спутника. – А это мой помощник – Рябой Сергей.

Второй милиционер наклоном головы подтвердил его слова. Рябой достал из сумки письменные принадлежности, перьевую ручку, чернильницу, листок бумаги. Положил на стол, приготовился записывать показания.

– Как вы уже догадались, мы прибыли сюда для расследования обстоятельств убийства оперуполномоченного Квасова. Что вы можете сказать по этому поводу, ведь он перед отъездом заходил к вам? – хриплым прокуренным голосом спросил Чалый.

– Да, я встретил его у кошары Ахмеда, они повздорили, и, зная вспыльчивость горца, я увел милиционеров от греха к себе выпить немного холодного вина.

Тем временем Даша принесла три глиняных кружки и блестящий начищенной латуной пузатый чайник, поставила посуду на стол перед каждым мужчиной, вернулась на кухню, вновь принесла оттуда нарезанный хлеб, деревянные ложки, небольшую стеклянную банку с густой сметаной, оставив всё это на столе, ушла. Кравцов из чайника разлил густой горячий чай с молоком, положил на хлеб сметаны, откусил, с удовольствием запил чаем. Гости также последовали его примеру. Отпив половину кружки, Александр рассказал милиционерам о состоявшемся разговоре между ним и Квасовым и когда они уехали от него.

– А что вы и Ахмед делали между семи и девятью часами? – спросил заместитель.

– В восемь часов пастух пригоняет стадо с выпаса, и мы разбираем скотину по домам, что делал в это время Ахмед, я не знаю, хотя в это время он пасет своих баранов, – после этих слов хозяин отпил из своей кружки.

– Вы сами будете из офицеров? – подозрительно вновь спросил молодой.

– Воевал в мировую, имею два креста, пожалован за храбрость младшим офицерским чином, демобилизован по ранению, – объяснил Александр, показывая левую руку без двух крайних пальцев.

– А у кого в селе имеется винтовка? – спросил Чалый.

– Мне неизвестно, у меня есть английский карабин, но последний раз я из него стрелял зимой, когда охотился на волка. Если хотите, принесу.

– Да уж принесите, – согласился милиционер.

Кравцов встал, прошёл в ту хату, где была спальня, вынес короткое, хорошо вычищенное оружие, протянул Чалому, тот осторожно взял карабин, открыл затвор, понюхал, заглянул в ствол.

– Да, действительно, из него не стреляли минимум три месяца, – объяснил он, возвращая оружие. – Хорошая ухоженная машинка, у нас такие не делают, только патроны дорогие, да сейчас купцы за деньги что хошь привезут.

Кравцов осторожно положил изделие английских мастеров у края стола.

– Квасов был до революции уголовником – грабил банки, богатых граждан, за что и сидел в тюрьме, где приобщился к революционному движению, после Октября вступил в партию, руководил группой по сбору продовольствия в деревнях, участвовал в экспроприации богатых, где был замечен в присвоении изымаемых средств, за что и был назначен в эту глушь оперуполномоченным, – рассказал Иван Иванович.

– А у кого в селе еще есть нарезное оружие? – вновь спросил Рябой, отпивая из кружки чай.

– Нет ни у кого, стоит очень дорого, этот карабин, как я уже говорил, привез с фронта, а то бы мне не видать его как своих ушей, – и обратился к Чалому: – Как известно, партия брала средства на революцию не только со взносов членов. Экспроприация – это тоже грабеж, только с одобрения государства.

– Но не надо оскорблять партию и революцию. Надо было чем-то кормить голодных людей, – возмутился Рябой, хватаясь за кобуру револьвера.

– Не горячись, Сергей, – одернул молодого милиционера оперуполномоченный. – Мы здесь ведем расследование, а политическими пусть занимается ГПУ.

Его товарищ, поняв, что допрос окончен, протянул листок и ручку Александру.

– Подпиши и напиши: «С моих слов записано верно и мною прочитано», – а если неграмотный, то поставь отпечаток пальца.

– Я закончил три класса церковноприходской школы, – хозяин взял из его рук протокол, перьевую ручку, обмакнул в чернила и, внимательно прочитав, подписал.

Гости допили чай, поднялись.

– Может, еще чаю? – спросила подошедшая Даша.

– Нет, спасибо, нам еще надо допросить Ахмеда, – отказался старший.

Рябой взял исписанный листок из рук Кравцова и вместе с письменными принадлежностями спрятал в планшет.

– Вряд ли вы его сейчас найдете, – пояснил охотник. – Он летом вообще не бывает дома – пасет своих овец, а его жена не понимает по-русски.

Милиционеры попрощались и, сев в седла, направились к кошаре, но, как и сказал Александр, хозяина на месте не оказалось, а Патимат ничего вразумительного не сказала.

Расследование убийства Квасова зашло в тупик. У всех, кто имел нарезное оружие, было крепкое алиби, а близость к месту трагедии села Крайновка указывало на то, что к убийству причастны местные.

Глава 4. Красное колесо

Одной из важнейших задач партии и хозяйственного руководства страной на рубеже двадцатых-тридцатых годов стало вовлечение в процесс индустриализации сельского населения. Это предполагало насыщение рынка дешёвыми промышленными товарами, в которых нуждалось крестьянство, и получение в обмен так необходимых сырья и хлеба.

Сталин и его окружение пошли по пути, наиболее простому для них и трудному и медлительному для деревни. Решено было форсировать коллективизацию с целью безвозмездного получения хлеба, но не путем продналога, а через обязательные поставки. В декабре 1927 г. состоялся пятнадцатый съезд ВКП(б), за которым в литературе на долгие годы закрепилось название «съезда коллективизации». В действительности на съезде речь шла о развитии всех норм кооперации, о том, что перспективные задачи «постепенного перехода к коллективной обработке земли будут осуществляться на основе новой техники (электрификация)», а не наоборот. Ни сроков, ни тем более единственных форм и способов кооперирования крестьянских хозяйств съезд не устанавливал. Точно так же решение съезда о переходе к политике наступления на кулачество имело в виду последовательное ограничение эксплуататорских возможностей и устремлений кулацких хозяйств, их активное вытеснение экономическими методами, а не методами разорения или принудительной ликвидации.

Наиболее значимым и очевидным доказательством правильности «курса на коллективизацию» и необходимости его форсированного осуществления считался хлебозаготовительный кризис, возникший зимой 1927–1928 гг. и преодолённый в результате коллективизации. Для Сталина кризис хлебозаготовок объяснялся «кулацкой стачкой» – выступлением выросшего и окрепшего в условиях НЭПа кулачества против советской власти. На самом деле кризис хлебозаготовок возник как результат рыночных колебаний. Сокращение же государственных хлебозаготовок создало угрозу планам промышленного строительства, осложнило экономическое положение, обострило социальные конфликты в городе и деревне. Ситуация начала 1928 года требовала взвешенного подхода. Однако в тот момент сталинская группа уже добилась большинства в политическом руководстве и пошла на слом НЭПа. Стало широко практиковаться применение чрезвычайных мер насилия по отношению к крестьянским массам. Из центра на места последовали подписанные Сталиным директивы с угрозами в адрес партийных руководителей.

Тон этой кампании был задан Сталинской поездкой по Сибири в январе – феврале 1928 г. Во время его инспекции были сняты с работы и исключены из партии десятки местных работников за «мягкотелость», «примиренчество», «срастание с кулаками» и т. д. Теоретическим обоснованием форсирования коллективизации явилась статья Сталина «Год великого перелома», опубликованная 7 ноября 1929 г. В ней утверждалось, что в колхозы якобы пошли в основном середняцкие массы крестьянства, что в социалистическом преобразовании сельского хозяйства уже одержана «решающая победа» (на самом деле в колхозах тогда состояло 6–7 процентов крестьянских хозяйств, притом что 1/3 части деревни составляла беднота. Нарушение законности, произвол, насилие в ходе проведения коллективизации вызвали открытые протесты крестьян вплоть до вооружённых восстаний. В 1929 году было зарегистрировано 1 300 «кулацких» мятежей. Следующий шаг на пути усиления гонки за «темпом коллективизации» был сделан на ноябрьском съезде ЦК ВКП(б) 1929 г. Задача «сплошной коллективизации» ставилась уже перед целыми областями. Руководители парторганизаций Северного Кавказа, нижней и средней Волги, Украины стали брать своего рода «обязательства» по проведению коллективизации за год – полтора к лету 1931 г. Но эти обязательства были признаны недостаточными. Как результат, часть руководителей провозгласила на местах лозунг «бешеных темпов коллективизации». После принятия 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) постановления

«О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» уровень коллективизации стал стремительно расти. В начале января 1930 г. в колхозах численность – 20 процентов крестьянских хозяйств, к началу марта – свыше 50.

Форсированная коллективизация проводилась одновременно с раскулачиванием – невиданной по масштабу репрессивной кампанией. По данным комиссии СНК СССР «о тяжести налогообложения», в 1927 г. в стране насчитывалось 3,9 % кулацких хозяйств (около 900 тыс. хозяйств в абсолютном исчислении). 62,7 % приходилось на долю середняцких, 22,1 % – бедняцких и 11,3 % – пролетарских хозяйств. В ходе насильственной коллективизации стали раскулачивать не только кулаков, но и середняков – тех, кто еще не хотел вступать в колхозы. Число «раскулаченных» во многих районах достигало 10–15 % крестьянских хозяйств.

Лето 1930 года на юге выдалось жарким – только ветерок с моря (моряна) приносил заметную прохладу. Мужики косили траву на сено, свозили на телегах во дворы. Хорошего покоса рядом на солончаках не было, поэтому приходилось возить издалека. Бабы работали в огородах, смотрели за хозяйством.

В один из таких дней в село с очередным торговым обозом на лошадях в сопровождении двух милиционеров приехал мужчина лет сорока, на голове фуражка-шестиклинка, красная рубаша с длинным рукавом расстегнута до пояса, открывала широкую волосатую грудь, коричневые пропыленные брюки заправлены в короткие кожаные сапоги. Из-под фуражки на висках и сзади свисали аккуратно подстриженные седые волосы. Широкое скуластое лицо с ямкой на подбородке, серые глаза и нос картошкой выдают человека, рожденного в центральной России. Мужчина грязно-серым платком в крупной руке вытирал обильно выступающий на лбу пот.

Остановился небольшой обоз, как всегда, в центре села. Купец с помощником быстро расставили раскладные столы, разложили на них привезенный товар: рубашки, платья, обувь, разную мелочь, необходимую в хозяйстве. К ним стали подходить бабы и любопытные ребята. В селе в воскресенье обычно все жители не работали, только мужики спешили сделать припасами на зиму. Старики сидели в тени белолистого тополя на завалинке и с любопытным прищуром поглядывали на приехавших.

Милиционеры и приехавший с ними мужчина спешили, ослабили у лошадей подпруги, обтерли бока пучками здесь же сорванной травы. Пожилой же человек, прихрамывая, подошел к старикам, поздоровался с каждым за руку. Он оказался невысокого роста, но широкоплеч, небольшой животик нависал над тонким кожаным ремнем.

– Меня зовут Квашня Прокопий Иванович, – представился мужчина.

– А кто ты такой будешь, мил человек? – спросил самый старший дед Мирон.

Между тем Прокопий Иванович не спеша достал из кармана потертую деревянную трубку, кисет, набил ее табаком, сунул в рот. Спрятал кисет, достал коробок спичек, раскурил, убрал и спички и, глубоко затянувшись, выпустил клуб дыма.

– Меня назначил к вам обком партии председателем рыболовецкого колхоза, родом я из Ставрополя, из крестьян, в партии с 18-го года, воевал в мировую, гражданскую, получил ранения, – взглядом показал на ногу.

– А у нас, дорогой товарищ, и колхоза-то нет, – усмехнулся в бороду дед, опираясь обеими руками на неизменный посох.

– Для того я и приехал. Соберем собрание и решим всем народом, быть колхозу или нет, – Квашня вновь потянул дым из трубки.

– А если народ откажется? – прищурился старик.

– Почему откажется? Ведь преимущества передовых методов хозяйствования налицо. Вот сможешь ли ты купить, к примеру, баркас?

– Нет, да и зачем он мне?

– Как зачем? А выходить в море, ловить рыбу там? Да и до Крайновки морем два часа ходу, – мужчина вновь затянулся, выбил пепел из трубки о плетень и спрятал ее в карман.

– Оно, конечно, в Крайновку ходить хорошо, а в море ловить рыбу нам ни к чему, ее и в речке полно.

– Для того чтобы купить баркас, – терпеливо объяснял Прокопий Иванович, – нужно сдать государству очень много рыбы, одному столько не наловить, поэтому трудящиеся и объединяются в колхозы. И еще государство обеспечивает сетями, лодками и всем необходимым, также колхозники в специальных магазинах на трудодни могут получить любой необходимых в хозяйстве товар.

– Значит, получается, что колхоз собирается для того, чтобы кормить дармоедов в Москве? – спросил рядом сидящий старик.

– Но, ты, старый, не заговаривайся, за такие слова можно и уехать в Сибирь тайгу рубить. Кормить мы будем рабочих в городах, которые делают различные полезные товары, – возмутился приезжий.

– А ты мне больно не грози, я до Сибири не доеду – умру скоро.

– Да ты, Федор, уже который год помирать собираешься, – сказал Мирон.

– В общем, так, – рубанул воздух рукой Квашня, – соберем собрание, а там народ и решит, быть колхозу или нет.

– Когда же ты, мил человек, собрание собрался проводить? Ведь лето же, мужики кто на покосе, кто на охоте, а кто и на рыбалке, почитай, одни бабы и ребятишки в селе и остались, – дед кивнул в сторону собравшихся возле купца баб, увлеченно перебирающих товар и с любопытством поглядывающих в сторону приезжих.

– Ничего, время еще есть, месяц дали для создания колхоза. Обойду все дворы, когда хозяйева будут дома, опрошу. Остановиться здесь есть где?

– У нас люди гостеприимные, – кивнул старик, – в любом дворе тебя накормят, спать положат.

– Я же не бесплатно, у меня есть деньги.

– Это будешь с хозяином договариваться, – остановил он Прокопия.

Будущий председатель колхоза, оставив стариков обсуждать новость, подошел к женщинам поговорить о волнующем его вопросе, но те только пожимали плечами, ссылаясь на мужчин. Он, плюнув с досады, взял свою лошадь под уздцы и повел ее в конец села, где был скрыт удобный спуск к реке, где селяне поили свой скот. За ним повели своих лошадей и приехавшие с ним милиционеры. Глинистый берег был утыкан разнообразными копытами животных, в прибрежных камышах квакали лягушки. Тонкие стебли водных растений вздрагивали от ударов проплывающих мимо рыб, то тут, то там с плеском на поверхность выскакивали подводные охотники, хватая пролетающих низко неосторожных насекомых. Крупная белая цапля неподвижно застыла на одной ноге, поджидая добычу, увидела подходящих людей, тяжело с места взмыла в воздух.

Напоив лошадей, мужчины их расседлали в росшей рядом акациевой рощице, пустили пастись, а сами расстелили попоны на траве в тени деревьев. Квашня, развязав один из привезенных мешков, достал нехитрую еду: сало, вареные яйца, хлеб, вареную в мундирах картошку, небольшую алюминиевую флягу с вином, – разложил все это на чистом белом полотенце, достал нож в чехле, вынув его, порезал сало тонкими ломтиками, пригласил к импровизированному столу попутчиков. Скромно пообедав и отпив понемногу густого вина из фляжки, Прокопий вытер руки о носовой платок, собрал хлебные крошки и скорлупу в чистую тряпицу, завязал в узелок, убрал вместе с флягой в мешок и, подложив под голову седло, лег в тени дерева, наказав, если он уснет, милиционерам разбудить его в случае появления кого-нибудь из мужиков. Молодые люди также легли рядом, о чем-то тихо переговариваясь. Солнце уже перевалило за горизонт, его лучи с трудом пробивались сквозь листву. В ветвях, прыгая с ветки на ветку, чирикали воробьи. Слабый ветерок доносил запахи прелого камыша, цветущей травы, рыбы.

Разбудили его, когда светило склонилось к вечеру. Достав из кармана брюк серебряные именные часы на цепочке, он щёлкнул крышкой, стрелки на циферблате, украшенном красной звездой, показывали половину шестого.

– Товарищ Квашня, – сообщил белообрый веснушчатый солдат, показывая рукой в сторону села, – какой-то мужик подъехал на телеге, сено привез.

Будущий председатель встал, закрыв крышку часов, положил их в карман, отряхнул одежду, посмотрел в указанном направлении. И действительно, к окраине села, запряжённая волами, подъезжала груженная сеном телега, сидевший на самом верху стога мужчина длинной палкой направлял животных по дороге. Вот воз подъехал к одному из дворов, возчик ловко соскользнул вниз, прихватив с собой деревянные вилы и шест, перекинул их через стоящий рядом плетень, потом схватился за оглоблю телеги, остановил ее, открыл плетеные ворота на кожаных петлях, завел быков вместе с сеном во двор.

Прокопий по военной привычке поправил рубаху под ремнем, собрав все складки сзади, надел упавшую во время сна фуражку на лысеющую голову, наказав спутникам собрать имущество и лошадей, и зашагал широкими шагами в сторону открытых ворот. Он подошел к ним, когда хозяин их уже закрывал.

– Здравствуйте, хозяин, – приветствовал он мужчину, протягивая ему руку для рукопожатия. – Я товарищ Квашня Прокопий Иванович, меня обком партии направил к вам организовать колхоз.

– Я Кравцов Александр, живу здесь, – пожимая руку, ответил хозяин. – А от меня что вы хотите?

– Об этом как раз я и хотел поговорить.

– Хорошо, подождите, пока я разгрузу сено, завтра надо отдать телегу, сейчас все заготавливают корм для скота, а возим по очереди, у нас телега всего одна на село. Завтра будет вывозить свое Широкий Николай.

– Поздно вы вывозите, ведь покос окончился в мае? – удивленно спросил Квашня.

– Так скосили в мае, пока сено просохло, бабы собрали в стожки, выстоялось, вот только сейчас и вывозим, да и место в сеновале освободилось, – объяснял Александр.

Тем временем милиционеры, собрав лошадей, подвели их ко двору.

– Чтобы быстрее разгрузить сено, мы тебе поможем, – предложил Прокопий.

– Хорошо, тогда я буду подавать сверху, а вы укладывайте на сеновал, – согласился хозяин. – А коней твои ребята пусть пока привяжут у изгороди на улице.

Подворье Кравцова состояло из двух половин – одна жилая, где расположены выбеленные известкой хаты, на второй – хлева для животных, сеновал, сарай для инструмента. Одна половина от другой отделена стеной жилой хаты и забором из камышовых матов, от соседей двор также огорожен камышом. В хозяйственном дворе под навесом сложены нарубленные тонкие прутья кустарника гребенчука для топки печей, а также сушеный навоз для этих же целей, под ногами крутились куры в надежде порыться в свежем сене – поискать насекомых. Здесь же в дальнем углу будка с лежащей в ней собакой – большим желтым волкодавом на тяжелой цепи, кольцом зацепленной к длинной, на весь двор проволоке, по которой собака и бегала, сейчас же цепь была накинута на прочный вбитый в землю штырь. У носа собаки лежали обгрызенные добела кости, она как будто спала, только уши шевелились, улавливая малейшую опасность. Все ее положение говорило о готовности в любую секунду защитить хозяев. За двором, огороженный загатой из сложенных плотно веток колючего лоховника, сад с виноградником и огородом упирается в речку. Спереди ограда, уже плетенная из ивы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.